

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 19

1987

Фазиль ИСКАНДЕР

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ПОДВИГ ЧИКА

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 19

Фазиль ИСКАНДЕР

ПОДВИГ ЧИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1987

Фазиль ИСКАНДЕР

Фазиль Искандер родился в 1929 году в городе Сухуми. Окончив школу, поступил в Московский библиотечный институт. После третьего курса перешел в Литературный институт имени А. М. Горького. Затем работал в редакциях городских газет — в Брянске и Курске.

В 1957 году вышла первая книга стихов Ф. Искандера. Он автор нескольких поэтических и прозаических сборников. Широкую известность получила сатирическая повесть «Созвездие Козлотура». Рассказы и повести писателя неоднократно переводились на многие иностранные языки.

Ф. Искандер — лауреат премии журнала «Огонек» 1986 года.

ЧИК И ПУШКИН

В классе было тихо-тихо. Александра Ивановна сидела за столом и читала «Капитанскую дочку». Даже пылинки в солнечном луче, падающем на стол учительницы, казалось, стали медленнее кружиться, все пристраиваясь и пристраиваясь к спокойному и милому порядку книги. Александра Ивановна ее читала уже много дней, и каждый раз в классе устанавливалась волшебная тишина.

Чик ужасно любил эти минуты. Конечно, и книга была мировая, и Александра Ивановна здорово читала. Но тут было еще что-то другое. Чик это чувствовал. В голосе Александры Ивановны журчат уют, слаженность всей жизни, где всем, всем людям будет хорошо. Сначала в классе, как сейчас, а потом и во всем мире. И хотя книга была как бы не об этом, но через голос учительницы получалось, что и это в ней есть.

Он чувствовал, что всем классом слушать Александру Ивановну, читающую эту книгу, гораздо слаще, чем одному. Оказывается, когда многие рядом с тобой наслаждаются книгой, гораздо слаще делается и тебе самому.

И Чик любил сейчас всех ребят класса за то, что они так послушно наслаждаются. Ну, Александру Ивановну он и всегда любил больше всех остальных учителей.

Он любил ее старое, морщинистое лицо в пенсне, ее высокую, легкую фигуру в аккуратном сером пиджаке и этот ровный голос, старающийся не выдавать того, что она сама чувствует при чтении, чтобы не было взрослой подсказки, где смеяться, а где горевать. Чик и за это ей был благодарен.

Чик вспомнил свое далекое, в первом классе, знакомство с Александрой Ивановной. Какой он был тогда глупый! Он пришел в первый класс с опозданием. Его не хотели принимать, потому что он недотягивал по возрасту. А потом приняли.

И он, не зная школьных правил, в первое время то и дело попадал впросак. Так, он долго не мог понять, что в классе нельзя громко разговаривать. Почему? Разве кто-нибудь спит или больной?

Школа предлагала ему во время урока как бы заснуть для жизни, чтобы проснуться для учебы. А Чик, громко разговаривая, как бы отстаивал прекрасную возможность одновременно жить для жизни и жить для учебы. И снова начинал громко разговаривать с соседями.

Наконец Александре Ивановне надоела непонятливость Чика, и она ему предложила выйти из класса, тем более что он уже тогда был громкоголосым. И Чик стал собирать портфель, чтобы выйти вместе со своими вещами, а класс вдруг стал хохотать над ним. И Чика больно пронзил этот гогот класса.

Он растерялся и посмотрел на Александру Ивановну, не понимая, почему над ним смеются. И вдруг увидел, что она тоже смеется над ним, но смеется, любя его. Чик взгляделся в нее: да-да, смеется любя! И у Чика сразу отлегло! Если бы школьники своим смехом хотели унизить его, она бы не могла вместе с ними смеяться любя! Его любимый дядя Риза тоже часто так смеялся над ним. И Чик точно знал: смеяться любя — это еще больше любить.

Александра Ивановна, продолжая смеяться, показывала рукой, что портфель можно оставить в парте, а самому выйти из класса. Чик неохотно оставил портфель и вышел. Он все-таки не мог понять, почему он должен оставить портфель. Видимо, сказывалась детская привычка, выходя из игры, забирать с собой свои игрушки.

И все эти годы в школе над Чиком сияла любящая улыбчивость Александры Ивановны, и он привык к этому и думал, что это будет вечно. Чик не знал, что через год литературу и русский язык будет преподавать директор школы Акакий Македонович и тогда не только не будет этой любящей улыбчивости, но и кончится праздник литературы. Она поскучнеет, как и сам Акакий Македонович.

И Чику будет так странно и грустно видеть, как Александра Ивановна легкой и быстрой походкой проходит по школьному коридору, но теперь всегда, навсегда идет не к ним в класс, а в другой, в другие.

И это будет так странно, так грустно, как если вдруг мама, возвращаясь с базара, повернет в другой двор и каждый раз будет поворачивать в другой двор и никогда не будет поворачивать к себе домой, к нам домой.

Чик не знал, что это тоска по вечному. Детство верит, что все будет вечно: и мама, и солнце, и мир, и любимая учительница. А тут вдруг вечность укоротилась на Александру Ивановну. Она как бы есть, и ее как бы нет. И Чик, продолжая любить Александру Ивановну, старался не попадаться ей на глаза. Не то чтобы избегал, но старался не попадаться ей на глаза. Было как-то стыдно. Получался какой-то обман природы. Только разогнался вечно любить Александру Ивановну, а тут вдруг вместо нее Акакий Македонович со своей вечнозеленой шляпой. Чик, конечно, не сравнивал. Он это чувствовал.

Но сейчас до этого было далеко-далеко! Этого даже не было вообще. В классе струился и струился голос Александры Ивановны. И чем больше Чик слушал, тем сильнее ему нравился Савелич. Вот чудило! И как он предан своему барчуку, и как бесстрашно готов защищать его. Прямо как наседка цыпленка!

Чика уже учили, что холопство — это плохо. И он с этим был согласен. Но хотя Савелич по должности был холоп и его преданность барину надо было презирать, Чик не только не чувствовал этого презрения — он просто обожал его.

Сам готов каждую минуту умереть за своего барчука, а сам ворчит, ворчит, ворчит. И то ему не так и это ему не так. Как будто он барин. Он барин своей преданности. Вот таких преданных ворчунов Чик обожал больше всех на свете.

Преданных, которые никогда не поварчивают на тех, кому они преданы, Чик не любил. Они такие скучные! Ходят с таким надутым выражением, мол, преданными быть очень трудно. Смотрите, смотрите, какие мы преданные! Думаете, легко быть преданными? Очень трудно быть преданными! Но вот мы преданные и не ворчим.

Чик даже не очень верил в такую преданность. Да ты лучше поворачивай, как Савелич, тогда и видно будет, насколько ты предан. Нет, не ворчат! Ну и катитесь со своей скучной преданностью!

Каждый раз, когда по ходу чтения должен был появиться Савелич, Чик переглядывался с одним учеником. Звали его Сева. Они, переглядываясь, понимающе улыбались друг другу: сейчас, сейчас Савелич учит что-нибудь смешное.

Чик всегда переглядывался с Севой. Когда в классе надвигалось что-нибудь смешное, а другие ученики еще не понимали, что смешное надвигается, они уже переглядывались и кивали друг другу. Было приятно чувствовать, что они уже знают о приближении смешного, а класс еще ничего не подозревает. Скрипит себе перьями или шушукается.

Этот Сева был удивительный пацан. Он смешное замечал даже лучше Чика. Он не был шумным шалуном, но не был и тихоней. Он был спокойным, вот что удивительно.

Учился хорошо, но и не лез в отличники. Одевался довольно бедно, но всегда чистый и аккуратный. Сидит себе такой глазастик с круглой светло-курчавой головой и только поглядывает внимательно по сторонам, где бы высмотреть что-нибудь смешное. Даже на контрольной он находил время заметить и обратить внимание Чика на мальчика, который так увлекся шпаргалкой, что прямо сунул голову в парту, забыв, что учитель его вот-вот накроет.

В прошлом году к ним в класс пришел новичок, который каждый день перед большой переменой на уроке потихоньку съедал свой завтрак, принесенный из дому. Жадный, боялся, что попросит кто-нибудь на переменке.

Сева первый это заметил, хотя ученик сидел далеко от него и ел исключительно осторожно. И с тех пор Сева и Чик не пропускали ни одного дня, чтобы не полюбоваться глупой жадностью этого мальчика. И мальчик давно заметил, что Сева и Чик следят за его тайными завтраками, и всем своим видом показывал, что неприятно удивлен их вниманием.

Незадолго до большой перемены Сева и Чик начинали глядеть на этого мальчика, как бы поощряя его: давай начинай! Мальчик обидчиво надувался, как бы говоря: захочу — начну, захочу — нет! Но все равно начинал. Особенно смешно было, что он после каникул думал, что Сева и Чик за лето подзабыли о нем. Но не тут-то было! Только он полез одной рукой в парту, чтобы приготовить бутерброд для укуса под партой, как был пойман взглядами Севы и Чика: никуда не уйдешь, начинай!

Сева сразу заметил, что математик проявляет смешную странность. Если он приходил на урок не в духе, всегда первым вызывал к доске одного и того же мальчика. самого тихого ученика, единственного очкарика во всем классе.

Бывало, входит математик туча тучей, садится за стол, открывает журнал. А Сева уже переглядывается с Чиком и кивает на того мальчика. А тот ничего не подозревает, скромно сидит себе за своей партой.

— Анциферов, к доске!

Анциферов вздрагивает, поправляет очки и идет к доске.

Однажды на перемене Сева подозвал Чика своей улыбкой. Чик охотно подошел.

— Видел вчера нашего математика. Он с женой шел с базара, — сказал Сева, глядя с улыбкой на Чика и предлагая начать веселиться.

Чик решил, что веселиться рановато.

— Ну и что? — пожал он плечами. — Многие мужчины сейчас ходят с женщиной на базар. Это до революции они стыдились ходить на базар с женщиной.

— Я за ними пристроился, — сказал Сева, продолжая лучезарно улыбаться, — они всю дорогу ругались.

Чик и тут не нашел большого повода для веселья.

— Ну и что? — настаивал Чик на более веских доказательных фактах. — Многие мужчины ругаются со своей женой. Я слышал.

— Она была в очках, — добавил Сева и расплылся.

— Ну и что? — упорствовал Чик, требуя более четкого определения повода для веселья, хотя смутно что-то почувствовал. — Многие женщины ходят в очках. Ничего особенного.

Сева, продолжая лучезарно улыбаться, таинственно кивнул на Анциферова. Чик глянул на Анциферова, и вдруг, как молнией, его пробило: тут очки и там очки! Он злится на жену и, приходя в класс, рокошет, как гром:

— Анциферов, к доске!

Далеко же Сева видел смешное! Ох, как далеко!

В другой раз на уроке истории учитель рассказывал об одном древнегреческом полководце. Чик случайно взглянул на Севу. Он сидел в другом ряду впереди Чика. Оказывается, Сева уже вовсю улыбается и кивает на учителя. Оказывается, он уже давно видит смешное.

Но это был очень хороший учитель, и полководец, о котором он рассказывал, был грозный полководец. Чик приглядывается к учителю, прислушивается к его словам: ничего смешного! А Сева все кивает и улыбается, кивает и улыбается. Чик снова прислушивается. Нет, все в порядке, и учитель здорово говорит, и полководец шутить не любит. А Сева все кивает! Скоро урок кончится, а Чик ничего не поймет! И вдруг его осенило! Очень уж горячо учитель истории рассказывал о греческом полководце! А сам по национальности грек! Своих нахваливает, своих! — вот что означали улыбки и кивки Севы.

И в самом деле Чик вспомнил, что о полководцах других древних народов он так горячо не говорил. Ну, там Дарий, Цезарь, Ганнибал. Было от чего погорячиться, но там он что-то не слишком горячился.

Они тогда тихо и хорошо повеселились на уроке. Все, что ни говорил учитель, становилось смешным. Потому что он был грек и, рассказывая о древнегреческом полководце, горячился. А ребята только косились на Чика, не понимая, почему он трясется от тихого смеха. Они, конечно, знали, что учитель грек, но им и в голову не приходило, что он болеет за древнегреческого полководца. Очень уж далеко это было!

Сева жил на горе недалеко от того места, где обитали рыжие волчата. Однажды Чик пришел к нему домой, и они вместе вышли на склон рвать молочай для свиньи. Севин отец держал свинью. Они набрали целый мешок молочая, и, пока рвали его, Сева успел рассказать Чику про свою свинью столько забавного, что Чик от смеха чуть не скатился с горы.

Эта свинья очень дружила с собакой Севы. Если его собака сцеплялась с каким-нибудь бродячим псом, свинья бежала на помощь. Где бы она ни была, она по голосу узнавала, что ее друг в беде, и бежала на выручку, еще издали визгом пугая чужую собаку.

Это была исключительно храбрая свинья и так предана Севиней собаке, как будто она сама ее родила. Иногда, увидев бродячую собаку, она первая шла на нее и оглядывалась на своего дружка, стараясь увлечь его на боевые действия. Иногда Севиней собаке неохота было драться. Но неудобно — свинья уже в атаке. Приходится бежать за ней.

Она так любила Севину собаку! Иногда, когда собака лежала во дворе, свинья приходила и укладывалась рядом с ней, норовя положить голову на спину собаке. А Севиней собаке неловко встать и уйти, потому что она знает, как свинья ее любит и как она предана ей. И вот свинья

похрюкивает, положив голову на спину собаке, а собака молчит, терпит, только старается дышать в сторону, чтобы воняло поменьше. Иногда даже перпендикулярно к небу вытягивала голову, чтобы глотнуть свежего воздуха. Но не уходила, не могла обидеть преданную свинью.

Да, Сева это Сева! Вот так Чик сидел в классе, наслаждаясь чтением Александры Ивановны и каждый раз переглядываясь с Севой, когда появлялся Савелич.

Вдруг в классе раскрылась дверь и вошел неизвестный мужчина. Ребята, грохнув крышками парт, вскочили. Мужчина, красиво склонившись в сторону Александры Ивановны, спросил:

— Можно?

— Пожалуйста, — сказала Александра Ивановна с улыбкой и уступила ему свое место.

Чик заметил, что девочки ожили и зашушукали: «Отелло! Отелло!» Мужчина движением руки посадил ребят и сам сел, скрипнув стулом. Александра Ивановна села напротив него на первую парту.

— Ребята, — сказал мужчина, — я артист местного драматического театра. Зовут меня Евгений Дмитриевич Левкоев. Я сейчас веду драмкружок в вашей школе. Я ищу талантливых, сценически одаренных школьников. Есть они у вас?

Некоторые девочки смущенно подхихикнули. Ребята молчали. Чик впервые видел артиста в такой близости. Он еще совсем маленьким один раз был в городском театре. И ему там больше всего понравилась изображенная при помощи световых эффектов быстро мчащаяся машина. Было очень похоже.

Артист был в голубом костюме и в голубом галстуке, и глаза у него были голубые. Он был немолодым крупным человеком с длинной жилистой шеей, чем-то похожий на отяжелевшего, одышливого орла. Чик видел таких голошеих орлов в приезде зверинца. Они неподвижно стояли на камнях, приоткрыв клювы и тяжело дыша. Чик жалел их. Было ясно, что они привыкли к высоте и им трудно тут в потном летнем городе.

Чика удивило выражение лица артиста. Оно у него было брюзгливое. По лицам некоторых гостей, которые приходили к ним домой или к тетушке, Чик заметил, что такое выражение бывает как раз у тех из них, кто слишком любит вино. И Чик никак не мог понять, почему у этого артиста такое же брюзгливое выражение на лице. Ему тогда и в голову не могло прийти, что артист тоже может увлекаться вином.

— Ну что? — клекотнул Евгений Дмитриевич, задирая голову и оглядывая класс, как если бы ученики сидели не в этом маленьком помещении, а в общей зале человек на двести. Чик и Сева откровенно переглянулись.

Некоторые девочки уже начали подталкивать друг друга, яростно перешептываясь. Однако все молчали.

— Кто у вас выразительно читает стихи и басни?— спросил Евгений Дмитриевич и посмотрел на Александру Ивановну, опять задирая голову выше, чем надо.

Александра Ивановна несколько заволновалась, смущенно улыбнулась, оглядывая класс, потом снова повернулась к Евгению Дмитриевичу и что-то ему сказала. Потом она опять повернулась лицом к классу, поймала глазами Чика и кивнула:

— Чик, выходи!

Чик уже знал, что без него не обойдется. Он был самым громкоголосым в классе и считался начитанным мальчиком. Смешно было бы думать, что дело обойдется без него. Но Чик не хотел начинать первым. С такой карты не начинают! И он пытался это объяснить знаками, но Александра Ивановна его не поняла, она решила, что он смущается.

— Иди, Чик, иди,— повторила она, окидывая его улыбкой. Ребята начали посмеиваться, тем более что Евгений Дмитриевич, опять задрал голову, искал Чика совсем в другом конце класса.

Чик вышел, встал рядом со столом и прочел свое любимое революционное стихотворение, где мать и сын сражаются на баррикаде (сын явно не старше Чика) и оба, пронзенные пулями, умирают, обнявшись.

Чик и раньше нравилось это стихотворение, потому-то он его и прочел. Вообще-то стихи ему редко нравились. Но это стихотворение очень нравилось.

А тут, как только он начал читать, какая-то сила вздернула его, трепанула, ударила в голову, и Чик загудел стихами, как мотор. Сила откуда-то бралась сама, Чик только голосу подпускал. И он, читая, заново почувствовал неимоверную жалость к героической маме и героическому мальчику.

— Да,— сказал Евгений Дмитриевич, когда Чик кончил читать, и, опять приподняв голову, оглядывал Чика так, как если бы Чик был вдвое выше,— да, когда бы все так чувствовали поэзию...

Чик продолжал стоять, ощущая в себе прилив огромных и, главное, совсем не исчерпавшихся сил. Он теперь прилаживался запустить «Белет парус одинокий». Но его никто не просил. А сам он был так оглушен собственным чтением, что не расслышал Александру Ивановну, попросившую его сесть на место.

Чик продолжал стоять. Класс начал смеяться. А Александра Ивановна встала и, улыбаясь, подтолкнула Чика к его месту. Чик машинально двинулся к своей парте. Дошел, раздумчиво постоял возле нее, как бы ожидая, что его вернут, а потом вяло сел. Он еще не понимал, что такого рода артистическое рвение принято скрывать.

После Чика еще двое мальчиков и две девочки читали стихи и басни. Но это было жалкое зрелище. Евгений Дмитриевич во время их чтения несколько раз находил глазами Чика и, качая головой, смотрел на него, как Посвященный на Посвященного. Чик уже остыл, и ему ужасно понравились эти взгляды. Чик давно заметил, что так перегля-

дываются интеллигентные люди, когда другие люди, находясь рядом, начинают умничать и рассуждать. Прозвенел звонок.

— Завтра в пять часов в пионерской комнате, коллега, — добродушно клекотнул Евгений Дмитриевич и, потрепав Чика по шее, вышел из класса. Чик был очень польщен его шутливыми словами.

На следующий день в назначенное время Чик пришел в пионерскую комнату. Там уже собралось человек десять мальчиков и девочек из других классов. Они были ровесники Чика или чуть постарше.

Евгений Дмитриевич окончил занятия со старшекласниками и занялся новичками. Сразу же узнав Чика, он радостно клекотнул и не забыл посмотреть на него, как Посвященный на Посвященного. Чик с удовольствием принял этот взгляд и ответил ему таким же. Это было все равно как с Сеовой. Только там дело касалось смешного, а тут искусства. А в остальном одно и то же.

Евгений Дмитриевич объяснил ребятам, что школе предстоит подготовиться к городской олимпиаде постановку по произведению Пушкина «Сказка о попе и его работнике Балде».

Теперь для проверки способностей он давал мальчикам и девочкам прочесть кусочек из этой сказки. Мальчики и девочки стали читать. «А девочки зачем? — подумал Чик. — На роль бесенка, что ли?» Многие из них, особенно девочки, ужасно волновались, сучили ногами или неожиданно всплескивали руками.

Видимо, от волнения они, начиная читать, путали слова, заикались, а уж о громогласности и говорить было нечего. С громогласностью было совсем плохо. Шептуны какие-то. Таким голосом еще кое-как можно было подсказывать на уроке, а не выступать в городском театре, где должна была проходить олимпиада.

Чик чувствовал себя вполне спокойно. Он был заранее уверен, что роль Балды достанется ему и Евгений Дмитриевич прекрасно об этом знает, но, чтобы не обижать других приглашенных ребят, он вынужден с ними повозиться, делая вид, что еще не выбрал исполнителя главной роли.

Чик чувствовал себя до того уверенно, что когда кто-нибудь из ребят ошибался в интонации или неправильно произносил слово, поправлял тещу, стараясь при этом переглянуться с Евгением Дмитриевичем взглядом, подтверждающим правильность его, Чика, Посвященности. Евгений Дмитриевич отвечал на эти взгляды несколько утомленными, но не отвергающими Посвященность Чика взглядами.

Когда дело дошло до Чика, он спокойно прочел заданный кусок. Чик читал с легким утробным гудением, что должно было означать наличие невероятных голосовых сил, которые пока сдерживаются дисциплиной и скромностью тещи.

— Вот ты и будешь Балдой, — клекотнул Евгений Дмитриевич. Чик ничего другого и не ожидал. Одному мальчику из параллельно-

го класса, который читал с ужасным мингрельским акцентом, Евгений Дмитриевич сказал:

— Ты свободен.

Чику стало жалко этого мальчика. Другим он или ничего не сказал, или дал знать, что должен еще подумать об их судьбе. А этому прямо так и сказал.

Кстати, звали его Жора Куркулия. Это был такой светлоглазый крепыш со смущенной улыбкой и широким деревенским румянцем на лице. По акценту, с которым Жора говорил на русском языке, Чик точно знал, что мальчик этот вырос в деревне.

Любя своих чегемских родственников, Чик немного покровительствовал деревенским мальчикам, которые учились в городе. Встречаясь с Жорой на переменах, Чик гостеприимно кивал ему и как бы говорил: «Учись, Жора. Читай книги, ходи в кино, пользуйся турником, шведской стенкой, параллельными брусьями и будешь не хуже нас, городских». Жора смущенно улыбался в ответ и как бы отвечал: «Я, конечно, постараюсь, если смогу преодолеть свою деревенскость». И вот Евгений Дмитриевич, не зная, что Жора деревенский, а с такими надо бы помягче, говорит ему обидные слова.

— Можно, я просто так побуду? — сказал Жора в ответ и улыбнулся жалкой, а главное, совершенно необиженной улыбкой.

Евгений Дмитриевич пожал плечами и, кажется, в этот же миг был о существовании Жоры Куркулия.

Наконец роли распределены, и дети стали готовиться к выступлению на олимпиаде. Репетиции дважды в неделю проходили в пионерской комнате. Старшеклассники ставили сценку из какой-то бытовой пьесы, а после них разыгрывалась «Сказка о попе и его работнике Балде».

Иногда Евгений Дмитриевич немного задерживался со старшеклассниками, и тогда ребята досматривали хвост пьески, где гуляка-муж, которого сослуживцы и домашние долго уговаривали исправиться и который как будто склонялся на уговоры, но вдруг в последнее мгновение хватал гитару (на репетиции он хватал большой треугольник) и, якобы бряцая по струнам, запевал:

Я цыганский Байрон,
Я в цыганку влюблен.

— Не Байрон, а барон, запомни, — поправлял его Евгений Дмитриевич, но это не меняло сути дела. Из его пения ясно следовало, что он все еще тянется к распутной жизни своих дружков.

После нескольких репетиций Чик вдруг почувствовал, что роль Балды ему смертельно надоела. Честно говоря, Чику и раньше эта сказка не очень нравилась. Но он об этом подзабыл. А сейчас она и вовсе потускнела в его глазах.

И чем больше они репетировали, тем больше Чик понимал, что никак не может ощутить себя Балдой. Какое то чувство внутри него оказы-

валось сильнее желания войти в образ. Это чувство с каким-то уличающим презрением к его фальшивым попыткам войти в образ преследовало его на каждом шагу.

Пока еще разучивали текст, громогласность и легкость чтения давали Чикву некоторые преимущества над остальными ребятами, и он продолжал переглядываться с Евгением Дмитриевичем взглядом Посвященного.

Этот взгляд Посвященного Чик в первое время ухитрялся распротранять даже на постановку старшеклассников, когда они заставляли их за репетицией. Чаще взгляд Посвященного вызывал все тот же гуляка-муж, упрямый не только в своем распутстве, но и в искажении своей песенки:

Я цыганский Байрон,
Я в цыганку влюблен.

Но потом, когда все стали разыгрывать свои роли, Чик почувствовал бездарность своего исполнения, однако все еще преувеличивал достоинства своей громогласности и все еще продолжал бросать на Евгения Дмитриевича уже давно безответные взгляды Посвященного. В конце концов Евгений Дмитриевич не выдержал и на один из Посвященных взглядов Чика так клекотнул ему навстречу, что Чик вынужден был погасить в своих глазах это приятное выражение.

Чтобы оправдать перед самим собой свою плохую игру, Чик стал замечать все больше и больше недостатков в образе самого Балды. Так, Чика раздражал грубый и наивный обман, когда Балда вместо того, чтобы тащить кобылу, сел на нее верхом и поехал.

Казалось, каждый дурак, тем более бес, хотя он и бесенок, мог догадаться об этом. А то, что бесенку пришлось подлезать под кобылу, Чик находил подлым и жестоким. Да и вообще мирные черти, вынужденные платить людям ничем не заслуженный оброк, почему-то были Чикву приятней самоуверенного Балды.

А между прочим, Жора Куркулия все время приходил на репетиции и уже как-то стал необходим. Он первым бросался отодвигать столы и стулья, чтобы очистить место для сцены, открывал и закрывал окна, иногда бегал за папиросами для Евгения Дмитриевича.

Жора стал вроде завхоза маленькой труппы. К тому же оказалось, что он по воскресеньям ездит домой к себе в деревню и привозит оттуда великолепные груши «дюшес». Он приносил на репетицию сумку с грушами и всех угощал.

Евгений Дмитриевич тоже охотно ел сочные груши, вытянув длинную шею, чтобы не закапать костюм. Он со вздохом втягивал в себя нежный сок и с выдохом говорил:

— Божественно... Божественно... Ублажил, меценат.

— Чачу тоже могу привезти, — однажды сказал Жора, улыбаясь и кося глазами от смущения, — сами варим...

Чика рассмешило это предложение. Если бы Сева был здесь, он обязательно переглянулся бы с Чиком, обращая его внимание на хитрый заход Жоры. Ясно, что виноградную водку он не мог предложить пацанам, значит, он имел в виду Евгения Дмитриевича.

— Нет, спаивать труппу я тебе не позволю, — сказал Евгений Дмитриевич шуточно.

Но потом во время других репетиций он с какой-то забавной серьезностью спрашивал у Жоры, как у них в деревне готовят чачу, сколько виноградных отжимков идет на один самогонный котел и сколько бутылок первача получается с одного котла.

И тут Чик окончательно уверился, что Евгений Дмитриевич любит выпить. А Жора Куркулия все ему подробно объяснял. На его широком румяном лице все время порхала смущенная улыбка. И вдруг Чик понял, что Жора большой хитрец. Ведь он раньше Чика догадался, что Евгений Дмитриевич любит выпить. Иначе бы он не осмелился сказать такую глупость про чачу. Взрослый человек да еще артист не станет брать выпивку у мальчика. Тут Жора сглупил. Но то, что Евгений Дмитриевич любит выпить, он понял точно. Но как? Это была загадка.

Однажды, когда ребята уже репетировали в костюмах, Евгений Дмитриевич предложил Жоре роль задних ног лошади. Жора расплылся от удовольствия.

Лошадь была сделана из твердого картона, выкрашенного в рыжий цвет. Внутри лошади помещались два мальчика, один спереди, другой сзади. Первый просовывал свою голову в голову лошади и выглядывал оттуда через глазные дырочки. Голова лошади была прикреплена на винтах к туловищу, так что лошадь довольно легко могла двигать головой, и получалось это естественно, потому что и шея и винты были скрыты под густой гривой.

Первый мальчик должен был ржать, качать головой и указывать направление всему туловищу, потому что там, сзади, второй мальчик находился почти в полной темноте. У него была единственная обязанность — оживлять лошадь игрой хвоста, к репице которого изнутри была прикреплена деревянная ручка. Тряхнул ручкой — лошадь тряхнула хвостом. Оба мальчика соответственно играли передние и задние ноги лошади.

Жора Куркулия получил свою роль после того, как Евгений Дмитриевич несколько раз пытался показать мальчику, играющему задние ноги, как выбивать звук галопирующих копыт. У мальчика никак не получался этот звук. Вернее, когда он вылезал из-под крупы лошади, звук кое-как получался, а под лошадью он как-то сбивался.

— Вот так надо, — вдруг не выдержал Жора Куркулия и без всякого приглашения выскочил и, топоча своими толстенькими ногами, довольно точно изобразил галопирующую лошадь.

Этот звук, издаваемый ногами Жоры, очень понравился Евгению Дмитриевичу. Он пытался заставить мальчика, игравшего задние ноги лошади, перенять этот звук, но тот никак не мог его перенять.

После каждой его попытки Жора выходил и точным топотанием изображал галоп. При этом он, подобно чечеточникам, сам прислушивался к мелодии топота и призывал этого мальчика прислушаться и перенять. У мальчика получалось гораздо хуже, и Евгений Дмитриевич поставил Жору на его место.

Иногда перед репетицией или после Евгений Дмитриевич снова возвращался к самогонному аппарату и спрашивал про разные фрукты, из которых готовят водку. Чик, умирая от внутреннего смеха, слушал этот мирный разговор большого и маленького. Он очень сожалел, что не может при этом перемигиваться с Севою. Так было бы гораздо интересней. Остальные ребята все принимали за чистую монету и уныло дожидались, когда Евгений Дмитриевич окончит этот скучный разговор.

Чика особенно смешило, что Евгений Дмитриевич, стараясь скрыть от Жоры удовольствие, которое он получает от своих расспросов, напускал на себя угрюмость. Как будто бы просто интересуется жизнью и обычаями местных народов. Но Чик теперь точно знал: любит, любит Евгений Дмитриевич это дело!

Иногда Евгений Дмитриевич, как бы очнувшись, раздраженно прерывал Жору:

— Ладно, хватит! что ты завел: грушевая, тутовая! По местам. Начинаем!

— Нет, я так просто, — краснея и лукаво беря на себя вину, отвечал Жора, — сами варим! По-домашнему! По-селенски!

— Ты все же школьник, — клекотнув, прерывал его Евгений Дмитриевич, — не надо об этом!

На одной из следующих репетиций вдруг из-под задней части лошадиного брюха без всякой на то причины Куркулия издал радостное ржание.

Ты смотри, как обнаглел, удивился Чик. Оказывается, люди из долинных деревень — это совсем не то, что горцы. А я путал, как дурак. Думал, там деревня и здесь деревня! Горцы — это совсем другое. Нет, Жора не горец!

А Евгения Дмитриевича это ржание привело в восторг. Он немедленно извлек Жору из-под лошади и заставил его несколько раз заржать. Особенно понравилось Евгению Дмитриевичу, что ржание его кончалось храпцем, и в самом деле очень похожим на звук, которым лошадь заканчивает ржание.

— Все понимает, чертенок, — повторил Евгений Дмитриевич, с наслаждением слушая Жору.

Разумеется, он тут же стал требовать от мальчика, игравшего передние ноги лошади, чтобы тот перенял это ржание. После нескольких унылых попыток этого мальчика, видимо, сразу же ошеломленного предательским ржанием задней части лошади, Евгений Дмитриевич махнул на него рукой и поставил Жору Куркулия на его место. Хотя толстые ноги Жоры больше подходили к задним ногам лошади, пришлось по-

жертвовать этим небольшим правдоподобием ради правильного расположения источника ржания.

Репетиции продолжались. Чик все еще продолжал придавать исключительное значение своей громогласности, которую с некоторой натяжкой можно было отнести за счет нахрапистости Балды. Чик чувствовал бездарность своего исполнения, но не замечал, как эта бездарность постепенно переходит в недобросовестность. Он совсем не повторял дома свой текст.

Однажды, когда он, забыв строчку, споткнулся, вдруг лошадь обернулась в его сторону и протянула:

— Попляши-ка ты под нашу бал-ля-ляй-ку!

Все рассмеялись, а Евгений Дмитриевич сказал:

— Тебе бы цены не было, Куркулия, если бы ты избавился от акцента...

Иногда Жора подсказывал и другим ребятам. Видно, он всю сказку выучил наизусть.

Однажды Чик на своей улице играл с ребятами в футбол. И вдруг со стороны школы мчится Жора Куркулия. Он бежал и на ходу делал какие-то знаки руками, явно имевшие отношение к Чику. Сердце у Чика екнуло. Ему давно пора было идти на репетицию, а он спутал дни недели и думал, что надо идти туда завтра. Жора Куркулия приближался, жестами выражая великое недоумение по поводу того, что случилось.

Было ужасно неприятно видеть его приближение. И Чик вдруг вспомнил, что точно так же ему однажды было неприятно видеть приближение старушечки библиотекарши. Но где эта старушечка и где Жора Куркулия? Он стал вспоминать случай с библиотекаршей, чтобы понять, что их соединяет, одновременно чувствуя всю глупую неуместность этого воспоминания.

Чик тогда потерял книгу, взятую в библиотеке, и старушечка уже извещала его о необходимости немедленно возвратить книгу. Она извещала его об этом в письме, написанном ведьминским коготком на каталожной карточке с дыркой. Чик не понимал, зачем эта дырка нужна в карточке. Он только вспомнил, что в одной книге описывалась тюремная камера. И там в дверях был глазок. Чик поднес карточку к лицу и посмотрел в дырочку, и ему стало грустно.

Все же он тогда решил, что как-нибудь обойдется. Он готов был вместо потерянной отдать любую книгу из своей маленькой библиотечки. Даже две, даже три! Но его цепенила необходимость объясняться с этой ехидной старушечкой. Она же все равно не поверит ни одному его слову!

И вдруг он сидит на самой макушке груши, а старушечка, как в страшной сказке, появляется во дворе и спрашивает у соседей, где он живет. А соседи по простоте, конечно, не со зла, показывают не на квартиру, а на грушу, где он сидит. И она пошла прямо к дереву, а Чик сам одеревенел и не знал, что делать.

И вот она подошла к дереву, выискала его глазами, погрозила пальцем и заверещала:

— Что, решил на дереве от меня спрятаться? Слезай, слезай, негодный мальчишка!

О, если бы груши были боевыми гранатами! Он бы забросал ее сверху! Но груши — это только груши. И он стал слезать. А куда денешься? Не улетишь, не птица. Получалось, что он спускается прямо ей в руки. Унизительно. В довершение всего, когда Чик уже был на полпути к земле и рядом не было ни одной плодоносной ветки, она вдруг сказала, странно подхихкивая:

— Нет чтобы угостить свою старую библиотекаршу свежей грушей? А ведь весь в долгах, как в шелках!

Чик в это время, раскорячившись, сползал по стволу. Он остановился и посмотрел вниз. Ему и в голову не могло прийти, что в таких случаях можно угощать. И ему стало как-то стыдно, что он ее не угостил, хотя и казалось очень странным угощать ее грушами. И он, глядя на нее в нерешительности, сделал как бы гостеприимное движение снова вскарабкаться на макушку.

Но она махнула рукой и опять подхихкинула:

— Слезай, слезай! Что тебе старая библиотекарша?

С этими словами она ловко крутанула длинной юбкой и подняла с земли грушу. Чик точно знал, что это не паданец. Эту великолепную грушу он случайно уронил, дотягиваясь до нее. Правда, она разбилась с одного боку, но была вполне хорошей.

Чик молча стал слезать, удивляясь, что она и тут, на дереве, настигла его своим ехидством. Он тогда ей дал книгу «Рассказы о мировой войне», и она на этом успокоилась, но Чик перестал ходить в городскую библиотеку.

Эту старушечью и другие дети не любили. Она всегда ухитрялась всучить не ту книгу, которую ты сам хочешь прочесть, а ту, которую она тебе хочет дать. Она всегда ядовито высмеивала попытки Чика отстаивать свой вкус. Бывало, чтобы она отвязалась со своей книгой, скажешь, что ты ее читал, а она заглянет в глаза и спросит:

— А о чем там рассказывается?

Когда они вошли в пионерскую комнату, Евгения Дмитриевича там не было. У Чика мелькнула надежда, что все обойдется. Он стал лихорадочно переодеваться. У него было такое чувство, что если он успеет надеть лапти, косоворотку и рыжий парик с бородой, то сам как бы исчезнет и некого будет ругать.

И Чик в самом деле успел переодеться и даже взял в руки толстую, упрямо негнущуюся противную веревку, при помощи которой Балда якобы мутит чертей. В это время в комнату вошел Евгений Дмитри-

евич. Он посмотрел на Чика, и Чик как-то притаил свою сущность под личиной Балды.

Чичу он показался не очень сердитым, и у него мелькнуло: хорошо, что успел переодеться.

— Одевайся, Куркулия, — вдруг клекотнул Евгений Дмитриевич и, взглянув на Чика, как бы не замечая облика Балды, а видя только Чика, добавил: — А ты будешь на его месте играть лошадь.

Чик стал раздеваться. И хотя до этого он не испытывал от своей роли никакой радости, он вдруг почувствовал, что глубоко оскорблен и обижен. Обида была так глубока, что он не стал протестовать против роли лошади. Если бы он стал протестовать, всем стало бы ясно, что он очень обижен.

Жора Куркулия стал поспешно одеваться, время от времени удивленно поглядывая на Чика, словно хотел сказать: как ты можешь обижаться, если сам же своим поведением довел до этого Евгения Дмитриевича? Каким-то образом его взгляды, направленные на Чика, одновременно с этим выражали и нечто противоположное: неужели ты и сейчас не огорчен?

Чик старался не выдавать своего состояния. Жора Куркулия быстро оделся, подхватил негнущуюся веревку, крепко тряхнул ею, как бы пригрозив сделать ее в ближайшее время вполне гнущейся, и предстал перед Евгением Дмитриевичем этаким ловким, подтянутым мужичком.

— Молодец! — клекотнул Евгений Дмитриевич.

«Молодец?! — думал Чик с язвительным изумлением. — Как же он будет выступать, когда он лошадь называет лёшадью, а балалайку — баляляйкой?»

Началась репетиция, и оказалось, что Жора Куркулия прекрасно знает текст, а уж играет явно лучше Чика. Правда, произношение у него не улучшилось, но Евгений Дмитриевич так был доволен его игрой, что стал находить достоинства и в его произношении, над которым сам же раньше смеялся.

— Даже лучше, — сказал он, — Куркулия будет местным кавказским Балдой.

А когда Жора стал крутить негнущуюся веревку с какой-то похабной деловитостью и верой, что сейчас он этой веревкой раскрутит там, на дне, мозги всем чертям, при этом не переставая прислушиваться к тому, что якобы происходит под водой, Чичу стало ясно: ему с ним не тягаться.

Чик смотрел на него, бесплодно удивляясь, что у Жоры все получается лучше. Но это его не только не примиряло с ним, но еще больше растревало. Если бы, думал Чик, глядя на него из отверстий лошадиных глаз, я бы мог поверить, что все это правда, я бы играл не хуже.

Не прошло и полчаса со времени появления Чика на репетиции, а Куркулия уже верхом на нем и своим бывшем напарнике галопировал по комнате. В довершение всего напарник этот, раньше игравший роль

передних ног, теперь запросился на свое старое место, потому что очень быстро выяснилось, что Чик галопирует и ржет не только хуже Жоры, но и этого мальчика. После всего, что случилось, Чик никак не мог бодро галопировать и весело ржать.

— Ржи веселее, раскатистой, — говорил Евгений Дмитриевич и, приложив руку ко рту, ржал сам, как-то чересчур благостно, чересчур доброжелательно, словно сзывал лошадей на пионерский праздник.

— Чик ржит, как го­лédная лéшадь, — пояснил Жора, выслушав слова Евгения Дмитриевича. Тот кивнул головой. Как быстро, думал Чик, Жора привык к своей новой роли, как быстро все забыли, что я еще полчаса тому назад был Балдой, а не ржущей частью лошади.

Чикун пришлось переместиться на место задних ног. Оказалось, что сади гораздо труднее: мало того, что там было совсем темно, так, оказывается, еще и Балда основной тяжестью давил на задние ноги. Видимо, радуясь освобождению от этой тяжести, мальчик, вернувшийся на свое прежнее место, весело заржал, и Евгений Дмитриевич был очень доволен этим ржанием.

Так, начав с главной роли Балды, Чик перешел на самую последнюю — роль задних ног лошади, и ему оставалось только кряхтеть под Жорой и время от времени подергивать за ручку, чтобы у лошади взмылся хвост.

Но самое ужасное заключалось в том, что Чик как-то проговорился тетушке о своем драмкружке и о том, что он во время олимпиады будет играть в городском театре роль Балды.

— Почему ты должен играть Балду? — сначала обиделась она, но потом, когда Чик ей разъяснил, что это главная роль из сказки Пушкина, тщеславие ее взыграло. Многим своим знакомым и подругам она рассказывала, что Чик во время олимпиады будет играть главную роль по сказкам Пушкина — обобщала она для сокрытия имени главного героя. Все-таки имя Балды ее несколько коробило.

И вот в назначенный день Чик — за кулисами. Там было полным-полно школьников из других школ, каких-то голенастых девчонок, тихо мечущихся перед своим выходом.

Чика вся эта тихая паника не трогала. Его волновала тетушка. Он высунулся из-за кулисы и увидел в полутьме сотни человеческих лиц. Он стал вглядываться в них, ища тетушку. Вместо нее он вдруг увидел Александру Ивановну. Это Чика почему-то взбодрило, и он на всякий случай запомнил место, где она сидела. А тетушки не было видно. У Чика мелькнула радостная мысль: а вдруг тетушку в последнее мгновение что-то отвлекло и она осталась дома? Она ведь так любила отвлекаться!

Нет, она была здесь! Она была в третьем ряду, совсем близко от сцены. Она сидела вместе со своей подружкой тетей Медеей, со своим мужем и сумасшедшим дядюшкой Чика.

Зачем она его привела, для Чика так и осталось загадкой. То ли для того, чтобы выставить перед знакомыми две крайности их семьи, мол,

есть и сумасшедший, но есть и начинающий артист. То ли просто кто-то не пошел, и дядюшку в последнее мгновение приодели и прихватили с собой, чтобы не совсем пропал билет.

Уже какие-то дети играли на сцене, а тетушка оживленно переговаривалась со своей подружкой. Это было видно по их лицам. Чик понял, что для тетушки все, что показывается до его выступления, вроде журнала перед кинокартиной.

Чик вздохнул и с ужасом подумал о том, что будет, когда она узнает правду. Теперь у него оставалась последняя надежда — надежда на пожар в театре. Чик знал, что в театрах бывают пожары. За сценой он сам видел двери с обнадеживающей красной надписью «Пожарный выход». Хоть бы она понадобилась! Чик вспоминал душераздирающие описания пожаров в театре и на пароходах. К тому же он увидал за сценой и живого пожарника в брезентовом костюме и в красной каске. Вдруг, думал Чик, этот пожарник сейчас ринется с места и все начнется? Нет! Стоит у стены и с тусклой противопожарной неприязнью следит за мелькающими мальчишками и девочками.

Но время идет, а пожара все нет и нет. И вот уже кончается пьеска, которую разыгрывают старшекласники их школы, и подходит место, где мальчик, играющий гуляку-мужа, должен, пробренчав на гитаре (на этот раз настоящей), пропеть свою заключительную песню. Сквозь собственное уныние со страшным любопытством Чик прислушивался, ошибется на этот раз мальчик или нет.

Я цыганский... Байрон,
Я в цыганку влюблен,—

пропел он упрямо, и Евгений Дмитриевич, стоявший за сценой недалеко от Чика, схватился за голову. Чик у стало немного легче от того, что и Евгений Дмитриевич пострадал.

Но вот началось их представление. Лошадь должна была появиться несколько позже, поэтому Чик был свободен и высунулся из-за кулис и стал следить за тетушкой. Когда он высунулся, Жора Куркулия стоял над оркестровой ямой и крутил свою веревку, чтобы вызвать оттуда старого черта. В зале все смеялись, кроме тетушки. Даже сумасшедший дядя Чика смеялся, хотя, конечно, ничего не понимал в происходящем. Просто раз всем смешно, что мальчик крутит веревку, и раз это ему лично ничем не угрожает, значит, можно смеяться...

И только тетушка выглядела ужасно. Она смотрела на Жору Куркулия так, словно хотела сказать: «Убийца, признайся хотя бы, куда ты спрятал труп моего любимого племянника?»

У Чика оставалась смутная надежда полностью исчезнуть из представления, сказав, что его в последний момент заменили на Жору Куркулия. Признаться тетушке, что он с роли Балды докатился до роли задних ног лошади, было невыносимо.

Интересно, что Чик и в голову не приходило попытаться выдать себя за играющего Балду. Тут было какое-то смутное чувство, подсказывающее, что уж лучше Чик — униженный, чем Чик — отрехшийся от себя.

Голова тетушки уже слегка, по-старушечьи, покачивалась, как обычно бывало, когда она хотела показать, что даром загубила свою жизнь в заботах о близких.

Жора Куркулия ходил по сцене, нагло оттопыривая свои толстые ноги. Играл он, должно быть, хорошо. Во всяком случае, в зале то и дело вспыхивал смех.

Но вот настала очередь Чика и его напарника. Евгений Дмитриевич накрыл их крупом лошади, Чик ухватился за ручку для вздымания хвоста, и они стали постепенно выходить из-за кулисы.

Лошадь появилась на окраине сцены и, как бы мирно пасясь, как бы не подозревая о состязании Балды с Бесенком, стала подходить все ближе и ближе к середине сцены.

Появление лошади вызвало хохот в зале. Чик с удивлением почувствовал некоторое артистическое удовольствие от того, что волны хохота усиливались, когда он дергал ручку, вздымавшую хвост лошади.

Зал еще громче расхохотался, когда Бесенок подлез под лошадь и стал пытаться ее поднять. А уж когда Жора Куркулия вскочил на лошадь и сделал круг по сцене, зал загрохотал от хохота.

Успех был огромный. Когда лошадь ушла за кулисы, зрители продолжали бить в ладоши, и Евгений Дмитриевич вывел лошадь на сцену, придерживая ее за гриву. Тут раздался свежий шквал рукоплесканий, и Чик даже в темноте внутри лошади было понятно, что теперь зрители приветствуют не их, а своего любимого актера.

Когда лошадь снова появилась, Жора Куркулия опять попытался взгромоздиться на нее, но Чик и его напарник не дали и стали отпрядывать, и зрителям это очень понравилось. И тогда Чик наугад стал лягаться и один раз попал копытом в толстое бедро Жоры. Зрители стали еще больше смеяться. Они думали, что все это заранее разыграно, а на самом деле Чик и его напарник очень устали и больше не хотели его катать. Особенно не хотел Чик.

И вдруг свет ударил Чик у глаза. Чик не сразу понял, что случилось. Буря плещущих рук! Лица! Лица! Лица! Оказывается, Евгений Дмитриевич снял с них картонный круп лошади, и они предстали перед зрителями в своих высоких рыжих чулках под масть лошади. А Евгений Дмитриевич стоял рядом и, задирая голову, кивал галерке. Ах, вот откуда у него привычка смотреть выше, чем надо, подумал Чик, уныло удивляясь, что ему в голову лезут неуместные мысли.

Как только глаза его привыкли к свету, он взглянул на тетушку. Голова ее теперь не только покачивалась по-старушечьи, но как бы в предобморочном бессилии сползла набок.

И Чик у стало тоскливо в предчувствии долгих укоров тетушки, ко-

торые он услышит дома. И чем сильнее зал аплодирует и смеется, тем хуже будет потом Чикю. Ему стало совсем сиротливо, и он бессознательно потянулся глазами к тому месту, где сидела Александра Ивановна.

Она смеялась, как и все, но при этом смотрела на Чика любящим, любящим, любящим взглядом! Даже издали это ясно было видно. Волна бодрящей благодарности омыла душу Чика. Какая там разница: задние ноги, передние ноги, Балда? Главное, что всем смешно. Александра Ивановна! Вот кто Чика никогда не предаст, и Чик ее никогда в жизни не забудет!

А вокруг все смеялись, и даже сумасшедший дядюшка Чика пришел в восторг, увидев Чика, вывалившегося из брюха лошади. Сейчас он пытался втолковать тетушке, что именно Чик, ее племянник, оказывается, сидел в брюхе лошади. Бедняга не понимал, что именно это убивает тетушку.

Но стоит ли говорить о том, что Чик потом испытал дома? Не лучше ли мы крикнем отсюда:

— Занавес, маэстро, занавес!

Однажды, когда прозвенел звонок с последнего урока, Сева подзвал Чика своей улыбкой и кивнул на тетрадь, лежавшую у него на парте. Ребята с радостным грохотом покидали класс.

— Что? — сказал Чик, взглянув на тетрадь и все еще не понимая, как можно извлечь из нее веселье.

Сева, продолжая таинственно улыбаться, снова кивнул на тетрадь. Это была тетрадь из серии, посвященной столетию смерти Пушкина. На первой странице был рисунок, изображавший прощание Олега с конем, и напечатаны стихи «Песнь о вещем Олеге». У Чика была такая тетрадь, и он ее хранил, потому что тетради этой серии были большой редкостью. Но ему и в голову не приходило, что в ней может быть что-нибудь смешное.

Сева продолжал таинственно улыбаться.

— Что? Что? — спросил Чик, пытаясь понять намек Севы.

Класс опустел.

— Не знаешь? — спросил Сева.

— Нет, — сказал Чик, — а что?

— Здесь написано, — Сева ткнул пальцем на рисунок в тетради, — долой его.

Сева, продолжая таинственно улыбаться, кивнул на портрет, висевший на стене. На портрете Сталин обнимал девочку Мамлакат.

Вредители! Чик так и похолодел.

— Не может быть! — воскликнул он.

— Да, да, — подтвердил Сева, — только здорово замаскировано. Надо долго искать. Хитрюги! Но я сам доискался. Хочешь одолжу тетрадь?

— У меня есть такая! — крикнул Чик. — Я сам найду!

— Ищи, — сказал Сева, продолжая улыбаться, — потом расскажешь. — Он с улыбкой взглянул на Чика, ожидая ответной понимающей улыбки. Но Чик не мог улыбнуться. Он силился, но никак не мог понять, что же Сева находит в этом смешного. Ничего смешного в этом нет.

— Завтра поговорим, — неопределенно бросил ему Чик.

Чик от волнения почти бежал домой. Он много слышал о тайных вредительских знаках, хитрейшим способом нанесенных на папиросные коробки, на санитарные плакаты, на книги о революции и даже на детские кубики.

Но сам он их никогда не видел. Люди рассказывали. Как-то так получалось, что никогда под рукой не оказывалось предмета с ядовитыми знаками вредителей, откуда они попискивают: мы есть, мы есть!

И только один раз в жизни он видел такой предмет, но тогда все кончилось как-то плохо.

Чика иногда отпускали на море вместе с сумасшедшим дядей. Дядю одного не отпускали на море как сумасшедшего. А Чика одного не отпускали, потому что он еще был пацаном. А вместе их отпускали. Чика с дядей отпускали как ребенка со взрослым. А дядю с Чиком отпускали как сумасшедшего с разумным человеком.

И вот однажды они идут домой, бодрые и прохладные после купания. Дядя напевает себе песенки собственного сочинения, на плече у него удочка без крючков, а Чик шагает рядом.

И вдруг впереди на приморском пустыре, у самого выхода на улицу Чик заметил толпу взволнованных мальчишек. Чик сразу понял, что там что-то случилось. Он подбежал к толпе. Внутри этой небольшой, но уже раскаленной толпы детишек стояло несколько подростков.

— Вредители! Вредители! — слышалось то и дело.

Один из подростков держал в руке кусок плотной белой бумаги величиной с открытку. Все старались заглянуть в нее. Чик тоже просунулся и заглянул. На бумаге отчетливой тушью был выведен торпедообразный предмет, который часто рисуют в общественных уборных. А под ним были написаны оскорбительные слова.

— Я иду с моря, а это здесь валяется, — говорил мальчик, державший в руке эту бумагу.

— Пацаны, вон вредитель! — вдруг крикнул кто-то, и все помчались вперед, и Чик вместе со всеми, подхваченный сладостной жутью странного возбуждения. В самом конце пустыря на улицу сворачивал какой-то человек.

Ребята уже на улице догнали толстого мужчину с неприятным лицом. Он был в шляпе и с портфелем в руке. Он озирался на кричащих пацанов с ненавистью и страхом. Громко вопя: — Вредитель! Вредитель! — они шли за ним, то окружая его, то отшатываясь, когда он резко, как затравленный кабан, оборачивался на них. Самые смелые пытались к нему гадливо притронуться, как бы для того, чтобы убедиться, что он есть, а не приснился.

Этот человек был так похож на плакаты с изображением вредителей, что Чик сразу поверил: он, он подбросил эту подлую самодельную открытку!

Особенно подозрительны были шляпа и портфель, туго и злобно набитый не то взрывчаткой, не то отравляющими веществами. Ребята все гуще и гуще его окружали, и ему все чаще приходилось затравленно озираться, все короче делались его передышки.

— Нельзя! — вдруг раздался громовой голос дяди Коли. Все остолбенели, а Чик обернулся на своего забытого дядю. Он со страшной решительностью приближался к толпе, явно готовый хлестнуть любого своей удочкой, которой он теперь размахивал. Ребята, смущенные его решительностью, молча расступились, давая ему дорогу. Он подошел к этому человеку и, слегка загородив его, ласково сказал:

— Иди, мамочка, иди...

— Спасибо, товарищ, — сказал человек дрогнувшим голосом. Его рыхлые щеки покрылись мучной белизной, — я... я ничего не понимаю. Ребята снова зашумели.

— Удушью мать! — крикнул дядя, обернувшись к толпе. Это было его любимое ругательство, но сейчас он его произнес предупредительно. — А почему они консервы отравляют? А почему подбрасывают вот это? — загалдели ребята.

Чик почувствовал себя в сложном положении.

— Это мой дядя! Он не понимает, он сумасшедший! — стал Чик оправдывать дядю и даже притронулся к его плечу, мягко намекая, что-бы он уходил отсюда.

— Ат!!! (Прочь! — на его жаргоне) — вдруг заорал он на Чика, стряхивая его руку и глядя на Чика бешеными, неизвестными глазами. Почувствовав, что дело пахнет хорошей затрешиной, Чик отошел.

У дяди Коли была такая особенность. Иногда на людях он не любил узнавать своих. Наверное, ему казалось, что чужие, незнакомые люди принимают его за нормального человека, а свои как бы выдают, что это не совсем верно. И если уж он не хочет тебя узнавать, связываться с ним было опасно.

— Какие консервы? Я ничего не понимаю! Я приехал в командировку, остановился в гостинице «Рица» в двенадцатом номере, — самым голосом пытаюсь успокоить толпу, говорил человек.

— Дурачки, дурачки, — односложно успокаивал его дядя.

Вдруг он что-то вспомнил. Он бросил удочку, вытащил из кармана блокнот и красный карандаш.

С блаженной улыбкой он нанес на листик несколько волнистых линий и, вырвав его из блокнота, бодро вручил растерянному человеку.

— Справка, справка, — сказал дядя и, махнув рукой, показал, что владелец этой справки теперь может беспрепятственно гулять по городу. Дядя иногда выдавал людям такие самодельные справки или деньги. Видимо, он заметил, что справки и деньги облегчают людям жизнь. И он помогал им, когда находил нужным.

Человек посмотрел на листик, ничего не понимая. Все же он торопливо положил его во внутренний карман пиджака. При этом он мельком бросил взгляд на толпу притихших ребят, как бы осозная, что этот человек ему уже помог, так что, может, и его справка пригодится. Может, вообще в этом городе все так положено. Все это Чик прочитал на лице этого человека и вдруг тоскливо усомнился, что он вредитель.

— Сумасшедшие,— сказал дядя, кивнув на толпу ребят, и весело рассмеялся, призывая человека быть снисходительным к этим несмышлянышам.

— Вот именно какое-то сумасшествие,— подтвердил человек и, горячо пожав дяде руку, стал быстро уходить. До конца квартала было недалеко, и Чик подумал, что если этот человек, как только звернет за угол, даст стрекача, значит, он действительно вредитель. А если просто так пойдет, значит, они ошиблись. Но теперь бежать и подглядывать за ним почему-то было неохота.

Тут к толпе ребят подошел милиционер.

— Дядя милиционер, он вредителя отпустил! — загалдели пацаны, бесстрашно показывая пальцем на дядю Чика. Дядя ужасно не любил, когда на него показывают пальцем, но ребята этого не понимали.

— Он за угол завернул! Он еще близко! — кричали они, почувствовав подмогу.

Милиционер вместо того, чтобы ловить вредителя, так цыкнул на них, что ребята разбежались в разные стороны. Волна возбуждения была разбита. И Чик успокоился окончательно.

А дядя в это время жестами и голосом пытался рассказать милиционеру, как глупо вели себя эти ребята.

— Ничего, Коля, ничего! Все пройдет! — говорил милиционер, успокаивая дядю. Он дружески похлопывал его по плечу. Видно, они были давно знакомы.

Чувствуя за собой некоторую вину, Чик подобрал удочку и пристойно вручил дяде. Дядя рассеянно кивнул ему, давая знать, чтобы Чик не приставал к нему, пока он дружески разговаривает с милиционером. Наговорившись, он повеселел и уже бодро зашагал рядом с Чиком, держа на плече свою удочку и напевая свои песенки.

Вот что случилось в прошлом году. А теперь вредители добрались до тетрадей, и значит, Чик доберется до них, потому что у него есть такая тетрадь.

Да! Наконец-то он доберется до них! Чик бежал домой и с каким-то жутким азартом думал, как он достанет тетрадь и начнет выковыривать оттуда тайные знаки вредителей. А вдруг тетрадь куда-нибудь запропала? А вдруг кто-нибудь из вредителей пробрался к ним в дом и утащил тетрадь, чтобы Чик их не разоблачил?

От них всего можно ожидать! До них, конечно, уже дошло, что Чик давно подбирается к ним. И они на всякий случай могли выкрасть эту тетрадь. Сначала тетрадь, а потом, может, и самого Чика, если он не ужомонится. Жутко! Весело!

Под самыми окнами Чика ребята играли в футбол. Улица Чика на улицу Бочо. Вместе с ребятами с улицы Бочо играла девочка. Она часто с ними выступала. И она играла неплохо. Но Чик терпеть не мог, когда девочка играет в футбол. Как-то неприятно во время игры сталкиваться с потной девчонкой. Фальшь! Фальшь! И нечего трясти юбкой и нарочно кричать грубые слова, чтобы перемальчишить мальчишек.

Чик был за равенство между мужчиной и женщиной. Но только не в футболе. Футбол — мужская игра. Любые другие игры — пожалуйста! Но только не футбол. Фальшь!

— Чик, — крикнул Анести, — где ты пропадаешь? Мы проигрываем! Становись вместо Абу нападающим! Абу, уходи, чтоб я не видел тебя!

— За что?! — крикнул Абу.

— Ты даже с ауа не можешь на голову подать мяч, — отвечал Анести, — какой ты игрок? Кандёхай!

Играть в футбол или разоблачать вредителей родины? Чик предпочел долг.

— Я не буду играть! Мне некогда, — сказал Чик и вошел в калитку.

— Он заучился, заучился, — раздался позади ехидный голос Шурика.

Мама стирала во дворе и не заметила, что Чик влетел в дом. Чик бросил портфель, подбежал к столу, в ящике которого лежали книги и тетради. Дернул ящик — тетрадь на месте! Не успели! Чик опередил.

Сидеть! Сидеть! Не отзываться ни на какие призывы с улицы или со двора. Чик положил тетрадку на стол, сел, придвинул поудобней стул и приступил к благородной экзекуции извлечения вредительских знаков, упрятанных на рисунке обложки.

Там был изображен князь Олег, скорбно обнимающий своего коня перед тем, как навсегда расстаться с ним. Под рисунком в два столбика с переносом на последнюю страницу были напечатаны стихи Пушкина «Песнь о вещем Олеге».

Через несколько минут Чик обнаружил букву «Д» искусно замаскированную в виде стремени. Первая буква подлого призыва — это была крупная добыча.

Ну и негодяи, ну и хитрецы! — подумал Чик, радуясь и продолжая поиски. Он долго искал букву «О», но никак не мог ее найти. Поэтому он в конце концов решил, что узоры на седле Олега, изображенные в виде кружочков, могут сойти за букву «О». Это открытие принесло Чикю меньше исследовательского удовольствия. Тут он почувствовал некоторую натяжку. Получалось, что сразу подряд идут четыре «О».

«О!» «О!» «О!» «О!» Негодяи! — можно было воскликнуть, но это дело не помогало.

Для той надписи, о которой говорил Сева, достаточно было двух «О». Как быть? В голове у Чика мелькнула догадка: а что, если на рисун-

ке упрятана еще одна вредительская надпись, которую Сева не заметил? Тогда для нее пригодятся эти два лишние «О».

И Чик решил изменить метод поисков. Он решил не задаваться целью искать буквы по ходу вредительской надписи, а искать любые буквы. Даже такие, каких нет в этой надписи. И, набрав как можно больше букв, составить из них первую вредительскую надпись, а из сочетания оставшихся букв догадаться, из каких слов состоит вторая надпись. К ней уже есть эти два лишние «О».

Чик продолжал поиски и долгое время ничего не находил. Через некоторое время его внимание привлекла подозрительно приподнятая нога Олегова коня. Она была приподнята и согнута под прямым углом. Ее можно было принять за букву «Г». Правда, перекладина получалась длинней и толще самого столбика, на котором она держалась. Довольно-таки уродливая буква. Эта уродливость буквы раздражала Чика. То ли буква, то ли черт его знает что! Она как бы смеялась над серьезностью самого дела Чика. И он решил не включать ее в собрание букв. Ему даже захотелось ударить коня по ноге, чтобы он ее выпрямил, а не держал полусогнутой, как будто его собираются ковать.

Чик приустал от поисков и как-то невольно стал прислушиваться к пыхтению футболистов на улице, к ударам мяча и крикам. Чик решил послушать их немного и узнать, какой счет. Удары мяча сладко отдавались в груди, как удары волн на море. Чик любил море и любил играть в футбол.

— Со кифале! Дос со кифале! — то и дело кричал Анести.

Во время игры он сильно волновался и иногда переходил на греческий язык. Он все время кричал одно и то же. Просил мяч на голову. Он хорошо играл головой, и поэтому все ему должны были подавать на голову — с ауа, со штрафного, с любого места.

Он мог шагов десять провести мяч на голове. Отбил головой, принял на голову. В конце концов у него все-таки отнимали мяч. Но один раз в жизни вот так, играя головой, он влетел в ворота противника.

Чик с удовольствием прислушивался к диплому голосу Бочо, хотя тот сейчас играл против его улицы.

— Какой счет, пацаны? — крикнул чей-то незнакомый голос.

— 7:8, догоняем! — весело кричал Анести. — Оник, не спи! Пасуй! На голову! На голову! Со кифале!

И вдруг Чика страшно потянуло туда на улицу, на футбол. Вот так, бывало, лежишь еще больной, но уже выздоравливаешь, и вдруг голоса играющих на улице ребят. И так потянет к ним, так потянет! Но нельзя — еще больной.

Чик вздохнул и стал взглядом рыться в гриве коня. Там было удобно припрятать несколько букв. Чик сильно рассчитывал на гриву, но она совсем не оправдала его надежд. Он не нашел там ни одной буквы, и взгляд его остановился на фигуре самого Олега. Внимание Чика привлек меч. Он мог сойти за букву «Г», если бы над перекладиной не торчал эфес, совершенно ненужный для буквы и для дела Чика.

Не зная, куда его деть, Чик погрузился в раздумья. Он стал теребить рукой этот ненужный эфес. Он почувствовал пальцами холод железа. Чик незаметно вытащил меч из ножен и стал им играть. Меч был очень тяжелый, и, может быть, поэтому он неожиданно превратился в шашку, после чего Чик без особых раздумий вскочил на коня, отпихнув слегка обалдевшего Олега, и помчался с чапаевской лавиной на беляков!

— Со кифале! — вдруг раздалось под самым окном.

Чик вздрогнул и очнулся. Никаких тебе беляков, никакой тебе чапаевской лавины. Он сидит за столом, а на столе все та же тетрадь. А на улице голоса ребят.

— Пеналь! Пеналь! Пеналь! — вдруг заорал Оник и побежал, боясь, что эту радостную весть у него отнимут.

— Хенц! Хенц! Клянусь мамой, хенц! — в ответ засипел Бочо, явно пытаясь догнать Оника и тем самым всем внушить, что это ошибка.

— Пеналь! Пеналь! — убегая, не давался Оник. Он был легконогим.

— Хенц! Хенц! — в отчаянии кричал Бочо, отставая. Отстал.

И тут все как-то уверились, что был все-таки пенальти.

— Считаю одиннадцать шагов!

— У тебя шаги нецесные! — Голос бесстрашного карапуза с улицы Бочо.

— Пацаны! Он говорит, у меня шаги нечестные!

— Нецесные! Нецесные!

— А честный фингал не хо?

— Попробуй!

— Я буду считать!

— Нет, я буду считать!

— Считаю!

— Не дрейфь, пацанва! Я любой мяч, как пончик, схавую!

— Я капитан! Я буду бить!

— Ты только головой играешь! Головой будешь бить пеналь?!

— Я первый закричал пеналь! Я бью!

— Ты первый закричал, а я первый заметил!

— Ты мазила!

— Пусть бьет! Я любой мяч, как пончик, схавую!

— Бью! Тихо! Не люблю, когда под ногу говорят!

— Разогнался до центра! Нецесно! Нецесно!

— Пусть разогнался! Любой мяч, как пончик, скушаю!

— Бью! Тихо! Не мешайте!

— Гол! Гол! 8:8!

— Нецесный мяч! Нецесный мяч!

Пацаны там веселятся, подумал Чик, а я должен тут искать и искать замаскированные буквы. Но и бросать нечестно... Нельзя быть безвольным, нельзя! Чик вздохнул и снова склонился над тетрадью.

Сейчас Чик вдруг заметил то, чего раньше на этом рисунке не замечал. Конь одного из дружинников, как-то изумленно приподняв голову,

смотрит на Олега коня, словно он слышал гадание кудесника, но никак не может поверить своим ушам. А конь Олега стоял, круто опустив голову, как бы мрачно насупившись. Так наказанные дети, отплакавшие, стоят в углу, упрямо опустив голову, самой своей позой выражая несогласие с наказанием.

— Да ты что, с ума сошел! — как бы восклицает конь дружинника. — Я, например, своего хозяина никогда не предам!

— А я что, виноват, что ли? Так положено по гаданию, — насупившись и не подымая головы, отвечает конь Олега.

— А ты не соглашайся с гаданием, а ты протестуй! — советует конь дружинника.

— Тут протестуй не протестуй, все равно конец, — отвечает конь Олега.

Чик стал читать стихи для того, чтобы присмотреться, не было ли у коня какого-нибудь выхода. А какой может быть выход? Не выпускать змею в собственный череп, когда он лежит в поле без всякого присмотра?

Чик, конечно, знал эти стихи и раньше, но никакого особого интереса к ним не испытывал. Теперь, читая их и дойдя до гадания кудесника, Чик мельком подумал, что кудесник шпион и нарочно разлучает Олега с любимым конем.

Читая стихи, Чик с удивлением чувствовал, что они оживают и оживают. Так, бывало, неохота есть, а начнешь — и неожиданно еда вкуснеет и вкуснеет.

И вдруг, когда он дошел до места, где змея, выползшая из черепа коня, обвилась вокруг Олега «и вскрикнул внезапно ужаленный князь», что-то пронзило его с незнакомой силой.

Это была поэзия, о существовании которой у Чика были самые смутные представления. В этой строчке замечательно, что не уточняется, отчего вскрикнул князь. Конечно, отчасти он вскрикнул и от боли, но и от страшной догадки: от судьбы никуда не уйдешь.

И Чик как бы одновременно с Олегом догадался об этом. И его пронзило. И дальше уже до конца стихотворения хлынул поток чего-то горестного и прекрасного, может быть, постижения непостижимого смысла жизни.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Чик чувствует какую-то грустную бессердечность жизни, которая продолжается и после смерти Олега. И в то же время он понимает, что так и должно быть, что даже мертвому Олегу приятней, что там навер-

ху, на земле, озаренной солнышком, жизнь продолжается, река журчит, трава зеленеет.

Олег словно видит Игоря и Ольгу на зеленом холме, видит пирующую у берега дружину и с тихой улыбкой говорит:

— Конечно, друзья, мне бы еще хотелось посидеть с вами на зеленом холме, попить с дружиной, поговорить о битвах, где мы вместе рубились, но, видно, не судьба. И все же мне приятно видеть отсюда, что вы кушаете, пьете на зеленом холме. Пируйте, пируйте! Если бы вас не было на земле, если бы вы все умерли, мне было бы здесь совсем тоскливо и одиноко.

Обливаясь сладкими слезами и не думая о том, что плакать стыдно, Чик несколько раз прочел это стихотворение, удивляясь, что слова начинают светиться и зеленеть, как трава, на которой сидят Игорь и Ольга.

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Слова засияли, словно переводные картинки, промытые слезами Чика. В них стал приоткрываться какой-то милый дополнительный смысл. Чик не знал, откуда берется этот дополнительный смысл, но он чувствовал, что этот смысл появился... Неразумным хазарам... Неразумным... Неразумным... Прощающий упрек, даже улыбка прощающего упрека чувствуется в этом слове.

В каждой строчке Чик теперь улавливал слова, перекликающиеся и даже улыбающиеся друг другу тайной понимания,— Собирается, Неразумным, Буйным, Обрек.

Чик чувствует, что Олег и не хотел бы мстить хазарам, да приходится, и потому он так неохотно Собирается. Он как бы говорит, собираясь в поход:

— Ну, зачем вы, хазары, такие Неразумные? Если бы вы, как обычно, набжали и ушли, я, может, и не собрался бы в поход. А то ведь устроили Буйный набег... А за это приходится ваши села и нивы Обречь мечам и пожарам.

Тут все обречены, и Чик это чувствует. Хазары обречены быть неразумными и потому — устраивать буйные набеги. Олег за это обречен обречь их мечам и пожарам, хотя сам уже носит в себе свою обреченность погибнуть от любимого коня.

Чик затих над столом. Он не понимал, что с ним произошло. Краем сознания он все еще помнил, что искал на рисунке. Нет, он не перестал верить в существование вредителей. Но они куда-то далеко-далеко удвинулись и стали маленькими-маленькими. И даже если они воровато нацарапали на этом рисунке какие-то нехорошие слова и юркнули в ка-

кую-то щель, как это все мелко и глупо. Даже искать эти слова мелко и глупо, если в жизни могут происходить такие великие истории, как история Олега и его коня.

— Чик, где ты? — донесся до Чика тетушкин голос. — Я же видела, ты прибежал из школы! Обедать, Чик! Горячий украинский борщ, Чик! Мама тебе такой не приготовит, Чик!

Горячий украинский борщ? Обедать тоже как-то глуповато. Чик прислушался к себе и вдруг с удивлением почувствовал, что мог бы и пообедать. Даже не прочь пообедать. Что делать! Ведь и дружина пи-рвала у берега после всего, что случилось с Олегом. Тетушка, конечно, прекрасно готовит обеды, только зачем она маму приплела? Вот люди!

Чик вздохнул, спрятал тетрадь в стол и пошел к тетушке обедать...

ПОДВИГ ЧИКА

Чик шел из школы, весело помахивая портфелем, и ни о чем не думал. И вдруг увидел!

Напротив греческой церкви в десяти шагах от Чика стояла колымага собаколова. Хозяин колымаги, грузный мужчина в брезентовой робе, с лицом красным, как шматок сырого мяса, держа в руке огромный сачок, подкрадывался к собаке. Он кинул ей кусок хлеба. Собака сначала недоверчиво понюхала подачку, потом осторожно взяла ее в рот и стала есть, уже благодарно поглядывая на собаколова и помахивая хвостом. О доверчивость мира!

Собаколов сделал несколько шагов в сторону собаки, но теперь она уже съела хлеб и, насторожившись, опасно покосилась на сачок, который слегка развевался на древке в его вытянутой руке.

Собака замерла. Собаколов, продолжая неподвижно держать над собой сачок, свободной рукой полез в карман и слегка завожился там. Потом из кармана высунулся кусок хлеба, он его на ходу располовинил, прижав карман к телу («Еще других собак приманивать!») — мелькнуло у Чика), выгацил руку и кинул подачку.

Теперь хлеб упал на таком расстоянии, что до собаки можно было достать сачком. Чик с ужасом ожидал того, что должно случиться, и в то же время, удивляясь и стыдясь себя, чувствовал, что ему хочется, чтобы у собаколова все получилось.

На самом деле, но он этого не осознавал, в нем уже окончательно вызрело решение бороться с этим негодяем, и душа его жаждала доказательной наглядности творимого зла.

Собака сделала несколько осторожных шагов, подобрала хлеб, снова взглянула на дрябло покачивающийся в воздухе треугольник сачка и стала есть хлеб, поглядывая на собаколова и как бы в такт жующим челюстям радуясь хвостом.

В следующий миг мешок сачка перевернулся в воздухе и, с хищной телесностью раздувшись на лету, прихлопнул собаку. Раздался раздражающий душу плач собаки. Собаколов быстро перебрал руками поближе к сачку, мерзко гребанув сачком по земле, перевернул и поднял в воздухе сачок с кричащей и барахтающейся собакой внутри.

Он быстрыми шагами подошел к дверце колымаги, расположенной сзади, открыл ее, вдвинул туда мешок сачка, тряхнув, вывалил собаку, а в клетке сразу же заметались и завывли другие собаки.

Собаколов вытащил свой сачок и прихлопнул дверцу. Он прислонил сачок к своей колымаге, просунул дужку замка, висевшую на дверном кольце, во второе кольцо, крутанул торчащий из замка ключ, подергал замок и, убедившись, что он заперт, бросил ключ в карман. Словно возбужденный удачливой охотой, подрагивая крупным телом, он обошел колымагу, взгромоздился на передок и погнал свою клячу.

Чик молча глядел вслед. Мешковина сачка колыхалась над колымагой, как грязное знамя грязного дела. Чик всегда ненавидел собаколова, но теперь он понял, что пришел его час. Теперь или никогда! Надо во что бы то ни стало освободить собак, а там будь что будет! Сколько можно мечтать о подвиге и ничего не делать?! Так может и вся жизнь пройти!

Весь этот день Чик был рассеян и как бы сам не свой. Он вяло поиграл в футбол во дворе грузинской школы. Команда Чика проигрывала, но его это почему-то не трогало. Во время игры он оказался один на один с вратарем противника и, сам не зная почему, послал мяч ему прямо в руки.

Потом в том же школьном дворе он вяло поиграл с Анести в деньги. Они играли возле кучи наваленных дров, и вдруг пятнадцатикопеечная монета Чика вкатилась туда. Чик отказался ее достать, сказав при этом фразу, которая дерзостной роскошью на долгие годы запомнилась ребятам:

— Охота была из-за пятнадцати копеек в дровах ковыряться!

Потом он проиграл Анести тридцать копеек и вдруг, махнув рукой, сам перестал играть, хотя деньги еще были и он мог отыгратья.

— Что случилось, Чик? — удивился Анести.

— Настроение кехо (нету), — ответил Чик на полугреческом.

Он чувствовал, что в голове его тихо звенит, а в груди что-то теплеет, теплеет. Он не понимал, что это вдохновение. Давний замысел наказать собаколова и отпустить на волю пойманных собак подступил и требовал немедленного воплощения. И от этого позванивало в голове и что-то теплело в груди. Он думал.

Перед глазами Чика то и дело всплывала дверца колымаги — железная сетка на деревянной раме. На раме большой замок. Как его открыть незаметно для живодера? Да еще на ходу?!

Достать связку ключей и наугад пробовать их? Вдруг какой-то подойдет? Нет, на ходу невозможно открыть замок, даже если бы удалось найти подходящий ключ!

Эх, если бы железным молотком так садануть по замку, чтобы он разлетелся! Но Чик знал — нету у него в руках такой силы, пока нету!

А что если использовать одну из бабушкиных палок? У бабушки было несколько палок. Одна из них была очень крепкая. Из какого-то горного дерева. Если ее сунуть в дужку замка и концом палки сбоку опереться в заднюю стенку, а другой конец изо всех сил потянуть от себя, получится мощный рычаг, и замок отлетит. Но Чик вдумался в этот план и отбросил его. На ходу использовать рычаг невозможно. Точка опоры все время будет уходить вперед.

Наконец он вот что придумал. Надо достать длинную веревку, привязать к ее концу крепкий железный крюк, а на другом конце сделать петлю. Когда колымага собаколова будет проезжать по такой улице, где есть штакетник, надо подбежать к нему, закинуть за планку петлю, догнать колымагу и сунуть крюк в дужку замка.

Собаколов будет продолжать ехать, веревка натянется, и замок сорвется. Конечно, если замок на кольцах держится очень крепко, веревка может лопнуть. Но Чик заметил, что дверца собаколова была довольно ветхая. Одно из колец, на которых держался замок, должно было выскочить. А то и оба сразу!

Чик внимательно оглядел все бельевые веревки, висящие во дворе, чтобы ночью срезать наиболее подходящую. Но все веревки оказались слишком старые, измочаленные дождями и мокрым бельем. Тогда Чик в голову пришла такая мысль. Надо срезать одну из этих никудышных веревок, тогда хозяева купят и протянут новую. И тут Чик срежет новую веревку, а старую снова привесит.

Выбор Чика пал на веревку Богатого Портного. Уж кому-кому, а ему купить новую веревку — раз плюнуть. Но ведь прежде чем идти на операцию по освобождению собак, Чик должен как следует потренироваться с веревкой. Тренироваться можно только в глубине сада. Больше нигде. Но здесь, конечно, кто-нибудь мог увидеть его, узнать новую веревку Богатого Портного и передать ему об этом. Как быть? Очень просто! Надо перекрасить эту веревку, высушить, а потом начать тренировку.

У тетушки в уборной на втором этаже стояло ведро с красной краской. Однажды, когда бабушка была в деревне, Чик вынес ведро на лестничную площадку и, окуная в него старую сапожную щетку, вывел на стене дома большую красивую надпись «Рот фронт».

Это был знак братства с испанскими республиканцами. Но через месяц из деревни приехала бабушка, разгневалась на эту надпись и велела сумасшедшему дядюшке Чика стереть ее керосиновой тряпкой. Нет, она не испытывала никаких тайных симпатий к генералу Франко. Чик такая глупость даже в голову не приходила. Просто бабушка была неграмотной деревенской старухой и не имела понятия ни о испанцах, ни о гражданской войне в Испании. Дядюшка Чика тем более.

Дядюшка усердно стирал керосиновой тряпкой надпись Чика, а бабушка с верхней лестничной площадки властно показывала ему концом палки, какие места надо еще дотереть. Чик стоял и смотрел, как исчезают волнующие его слова.

— Бумага, бумага, бумага, — залопотал вдруг дядя и весело обернулся на Чика.

Он бросил тряпку, сжал в пальцах невидимую ручку, окунул ее в невидимую чернильницу и стал писать по воздуху на невидимой бумаге. Потом он громко рассмеялся и кивнул на стену, показывая, что Чик окончательно спятил и вместо того, чтобы писать на бумаге, измазал краской дом. Дядя вообще любил уличать многих людей в сумасшествии. Особенно он любил уличать в этом Чика.

Да, было дело. Но на этот раз Чик надеялся использовать краску более успешно. Поздно ночью он с ножом в руке выскользнул из дому. Двор был пуст. Возле каморки Алихана стояла скамеечка, сидя на которой, тот обычно парил ноги в горячей воде. Чик взял эту скамеечку и, становясь на нее, срезал веревку Богатого Портного с обоих концов. Он смотал ее, отнес в сад и забросил в самом дальнем углу за кусты крапивы.

На следующий день, возвратясь из школы, Чик вошел во двор и увидел, что вся семья Богатого Портного столпилась возле того места, где раньше был прикреплен ближайший конец их веревки. Сам Богатый Портной натягивал новую. Все идет, как надо, подумал Чик, но приблизившись, разглядел, что Богатый Портной натягивает не новую веревку, а новый провод. Сейчас он плоскогубцами накручивал конец провода на гвоздь. Накрутив, покачнул тугой провод и сказал:

— До коммунизма хватит, да? А там будем посмотреть...

С новой веревкой Богатого Портного сорвалось, и Чик стал подумывать, не обойти ли ночью соседние дворы. И вдруг вспомнил! Когда у тетушки была корова, они ее пасли на длинной, крепкой веревке. Потом корову снова угнали в деревню, а моток веревки бабушка держала под своей кроватью.

Ночью Чик тихо вытащил этот моток из-под кровати спящей бабушки, отнес его в сад и забросил за те же кусты крапивы. После этого он вытащил оттуда веревку Богатого Портного и навеки спустил ее в уборную! Будет знать, как проводом заменять бельевую веревку!

Дома Чик нашел в ящике с инструментами вполне подходящий для его замысла крюк и старый замок. Он принес их в сад. Крюк положил у подножия айвы, а замок подвесил к одному из ее сучков приблизительно на такой же высоте, на какой висел замок собаколова. Айва отстояла от забора, отделяющего сад от речушки, примерно метрах в двадцати. В промежутке между айвой, на которой висел замок, и забором, куда надо было закидывать петлю, Чик и собирался тренироваться.

После этого Чик поднялся наверх, взял корзину для собирания фруктов, незаметно вложил в нее ведро с краской и прошел в сад.

Только он вынул из корзины ведро, как в сад пришел его сумасшедший дядюшка. Обычно сюда, в глубину сада, он никогда не заходил. Только поздней осенью заходил, когда поспевала дикая хурма, растущая тут. Но, оказывается, он приметил, что Чик стащил ведро с краской.

— Нельзя, нельзя,— сказал он строго, показывая на ведро, а потом на стены домов, между которыми был зажат сад,— милиция, милиция!

Чик долго ему объяснял, что не собирается красить стены домов, но дядюшка ему не верил, неожиданно для Чика проявляя общественную жилку и защищая стены чужих домов. И вдруг Чика осенило. Он схватил ведро с краской и подошел к забору, отделяющему сад от речушки.

— Забор! Забор! Забор! — стал вдалбливать ему Чик. И до дяди дошло. Хотя забор, отделяющий сад от речушки, отродясь никогда не красили, дядя знал, что вообще-то заборы принято красить. Он радостно улыбнулся и поощрительно замахал руками и головой, показывая, что полностью одобряет затею Чика. Дядя ушел, напевая песню, и можно было надеяться, что дома он не будет поднимать шума, тем более что, выходя из сада, он на радостях прильнул к одной из дырочек в фанерной стене кухонной пристройки, где обычно возилась его безответно любимая тетя Фаина, мать Соньки. Прильнув, замер надолго.

Чик вынул веревку из-за куста крапивы и стал думать, как начать ее красить. Он понял, что если красить ее, растянув на земле, то и веревка испачкается и земля будет в краске. Чик решил поднять веревку на дикую хурму, перекинуть ее через ветку, так чтобы она обоими концами доходила до земли. Потом слезть с дерева, связать эти концы и, окуная веревку в ведро, перетягивать ее через ветку, пока она вся не окрасится. А потом оставить ее так, пока она не высохнет.

Чик заткнул веревку за пояс и стал подниматься на хурму по виноградной лозе. Он дополз до первой ветки хурмы и стал перебираться с ветки на ветку, пока не достиг такой высоты, откуда оба конца могли доставать до земли. Тут он вынул веревку из-за пояса, перевесил через ветку и стал опускать вниз, пока оба конца не коснулись земли. После этого он слез с дерева и перевязал оба конца. Окунув нижнюю часть веревки в ведро с краской, Чик стал двигать веревку так, что окрасившаяся часть шла наверх, и при этом стараясь так стоять, чтобы краска не капала ему на голову.

Закончив работу, Чик спустился к речушке и тщательно с песком отмыл руки. Потом он выглянул во двор и, заметив, что ни бабушки, ни тетушки не видно, вложил ведро в корзину, поднялся наверх и поставил его на место. Хотя сумасшедший дядюшка Чика, напевая свои самодельные песенки, стоял на верхней лестничной площадке, Чик спокойно прошел мимо него, не боясь, что он пойдет проверять забор. Сумасшедшие чем хороши? Они думают прерывисто. Раз уж Чик его успокоил относительно предназначения ведра с краской, он тут же выкинул все это из головы. Правда, через полгода он мог вспомнить и потребо-

вать Чика к ответу за непокрашенный забор, но тогда это будет нестрашно.

Через два дня веревка была уже почти сухой, и Чик собирался ее снять, когда случилось неожиданное. Белочка загнала на хурму тетушкину кошку Ананаца. Ананаца была злопамятной и гордой кошкой. Если уж Белочка загоняла ее на дерево, она могла просидеть там несколько дней без еды и питья. Тетушка из-за этого сильно страдала.

Согнать Ананаца с дерева было ужасно трудно. Чик был уверен, что в ее жилах течет кровь диких кошек. На деревьях она преображалась, и если Чик взлезал за ней и пытался ее поймать, она прыгала с ветки на ветку и устраивалась на такой верхотуре, что это было опасно для ее жизни. Рукой ее нельзя было достать. На дереве она не давалась никому.

Еще хорошо, что Чик придумал кормить ее с конца палки, которой сбивали груши. Кусок мяса или рыбы подвязать к концу палки и тихо-тихо подвести к месту, где она сидит. Глядишь, посидит, посидит, а потом соизволит съесть поданную еду.

Был только один способ насильно вернуть ее на землю. Это можно было сделать, если она устраивалась где-нибудь на кончике боковой ветки. Тетушка выносила простыню, и ее четвером держали под этой веткой, а Чик в это время поддевал ветку палкой для сбивания груш и сильно тряс ее, пока кошка не срывалась с ветки и не рушилась на простыню. Но это возможно было, если она устраивалась на боковой ветке, а не на вершине дерева. Тут приходилось ждать, пока ей самой заблагорассудится слезть с дерева.

И вот Чик приходит из школы, тетушка на весь двор и окрестные дома зовет свою кошку, а она в это время сидит на хурме, как раз на той ветке, через которую была перекинута веревка Чика. Не успел Чик обдумать, как быть с кошкой, когда тетушка с верхней лестничной площадки заметила ее.

— Ананаца! Ананаца! — закричала она радостно и прибежала в сад. — Чик, почему ты мне не сказал, что она здесь? — крикнула тетушка, подбегая к Чику.

— Да я сам ее только заметил, — сказал Чик, стараясь подготовиться к ответу, когда она спросит про веревку.

— А это что за веревка? — спросила тетушка, осторожно тронув веревку. — Чик, ты украл веревку Богатого Портного и перекрасил ее? Ты опозорил нашу семью, Чик!

— Клянусь дядей Ризой, — сказал Чик, — это не его веревка!

Дядя Риза был братом тетушки и самым любимым дядей Чика. Тетушке не понравилось, что Чик из-за какой-то веревки клянется именем ее брата.

— Да начала я на веревку Богатого Портного, — неожиданно повернула она, — хоть бы ты у него и спер ее!

— Нет, нет, — сказал Чик, — эту веревку мне в школе выдали. Мы готовимся к игре «Граница на замке». Вон замок, видишь! — Он кивнул на айву.

Но тетушка уже потеряла всякий интерес к веревке.

— Чик, а как быть с Ананаци? — взмолилась тетушка. — Она второй день ничего не ест. Может, ты ее поймашь и спустишь с хурмы?

— Ты же знаешь, что она вскарабкается на самую макушку, если я полезу за ней, — напомнил Чик. — Давай накормим ее по моей веревке.

— Как это? — спросила тетушка.

— Очень просто, — сказал Чик. — Ты видишь — она сидит возле самой веревки. Ты принеси из дому что-нибудь, мы прикрепим к веревке, а я по веревке подыму ей.

Тетушка принесла из дому великолепную котлету и большую булавку. Чик бы сам с удовольствием съел эту котлету. Он осторожно приткнул котлету булавкой к веревке и стал тихо перетягивать веревку. Котлета пошла навверх. Кошка, сидя на ветке, безучастно следила за ними. Чик подвел котлету к самой ветке и замер. Кошка неподвижно сидела в двух шагах от нее.

— Ананаци моя милая, Ананаци моя хорошая, — взбадривала ее снизу тетушка.

Кошка с минуту безучастно смотрела вниз, а потом вдруг заинтересовалась котлетой и осторожно по ветке подошла к ней. Понюхала и стала есть. Тетушка тихо ликовала. Ананаци съела всю котлету, причем так умело, что ни один кусочек не упал вниз. После этого она облизнула булавку, ожила, умылась и вдруг вместо того, чтобы занять прежнее место, пошла по ветке до самого ее покачивающегося кончика. Видно, она решила промять ноги. Это с ее стороны было большой ошибкой.

— Скорее простыню, — тихо приказал Чик. — Мы ее сейчас стряхнем!

Тетушка побежала за простыней. Вскоре она вернулась. За нею двигались дядя Коля, тетя Фаина и Сонька. Она их прихватила по дороге.

Они вчетвером держали простыню. Все смотрели вверх на кошку, и только дядя Коля с обожанием смотрел на тетю Фаину.

— Внимание, — сказал Чик.

Веревка была перекинута у самого ствола, и Чик стал передвигать ее поближе к концу ветки, чтобы как можно крепче тряхнуть ее. Кошка покачивалась на краю ветки, пока еще ничего не подозревая, и бесстрашно смотрела вниз.

— Если будет падать немного в сторону, сразу сдвиньте простыню, — сказал Чик. — Начинаю.

Чик изо всех сил дернул веревку. Ветка сильно покачнулась, но Ананаци удержалась на ней, Чик, не давая ей опомниться, стал изо всех сил дергать за веревку. Ветка шумно сотрясалась, кошка извивалась на ней, стараясь сохранить равновесие. Чик не давал ей опомниться, чтобы она не вспрыгнула на другую ветку. Вдруг она сорвалась и несколько секунд висела на передних лапах. Чик дернул изо всех сил веревку, и кошка, мяукнув дурным голосом, полетела вниз. Она тяжело шлепнулась на простыню, а тетушка ее тут же подхватила и взяла на руки. Поглаживая

ее одной рукой и говоря ей ласковые слова, тетушка пошла домой. Дядюшка следовал за ней, брезгливо отстранив от себя развевающуюся простыню. Дядя считал кошек и собак грязными тварями и близко их к себе не подпускал.

— Чик, что это у тебя за веревка? — спросила Сонька.

— Скоро все узнаешь, — сказал Чик важно, — а пока держи язык за зубами.

Все ушли из сада. Чик развязал концы веревки и стянул ее с ветки. Он накрепко тройным узлом привязал к одному концу крюк, а на другом сделал петлю.

Он так живо представлял себе все, что должно случиться. Вот едет колымага. Чик накидывает петлю на планки ближайшего штакетника, догоняет ее и всовывает крюк в дужку замка. Раздается хруст вырванного замка, дверь распахивается, и собаки выскакивают на волю.

От ветхого забора до айвы было метров двадцать. На такое расстояние Чик и рассчитывал. Чик накидывал петлю на планки забора и изо всех сил бежал к айве, где на сучке висел замок. Он быстро всовывал крюк в дужку замка.

Вся операция длилась пять-шесть секунд. Набросив петлю на планки забора, Чик ухватывался за крюк, и, бросив остальную моток веревки на землю, бежал к айве.

Веревка иногда пугалась в зарослях сада, и Чик решил, что, пожалуй, это рискованно. Она и на улице может за что-нибудь зацепиться. После многих пробегов от забора до айвы Чик убедился, что моток веревки лучше всего закинуть на левую руку и чуть приподнять ее, чтобы он не выпал на ходу, а свободно разматывался.

Каждый раз, пробегая с веревкой, Чик ясно представлял, как это все будет происходить на самом деле. Вскоре он догадался о своей ошибке. Нельзя сначала забрасывать петлю на штакетник, а потом догонять колымагу. Так можно промахнуться, не рассчитав скорость ее передвижения и возможные последствия, которые неожиданно могут возникнуть на пути.

Надо наоборот! Сначала вдеть крюк в дужку замка на двери, а потом бежать к забору. Всякий забор бывает довольно длинным. Замок, можно сказать, точка, а забор — линия. Надо сначала закрепиться в точке, а потом выбирать на линии наиболее удобное место.

Теперь Чик, продев крюк в дужку замка и приподняв левую руку с мотком веревки, бежал к забору. Все получалось хорошо. Но тут перед глазами Чика всплыла возможность еще одной ошибки. Если, пока он бежит к забору, веревка будет провисать, крюк, вдетый в дужку замка, может соскочить от тряски колымаги на неровностях улицы. Моток надо держать продетым в левую руку, но правой рукой надо веревку пропускать сквозь ладонь так, чтобы она все время была достаточно натянута. Тогда крюк не соскочит.

Чик теперь бежал, пропуская веревку сквозь ладонь правой руки. Теперь он чувствовал, что она все время достаточно натянута.

Чик все время бежал прямо от айвы к забору, но вдруг понял, что это неправильно. Надо забирать немного вправо или влево.

Вдвк крюк в дужку замка, надо бежать наискосок по ходу колымаги. Потому что, если бежать прямо, а колымага будет двигаться очень быстро, веревки может не хватить и он не дотянется до штaketника. Надо бежать наискосок, но в то же время помнить, что нельзя обгонять колымагу и высовываться, потому что собаколов может его заметить и догадаться обо всем.

Чик все, что мог, предусмотрел. Он так долго тренировался, что у него на левой руке возле локтя, где разматывалась веревка, кожа покраснела и саднила, но Чик терпел. Ему даже было приятно. Свобода даром никому не достается! Завтра, завтра все решится! Он забросил веревку в заросли крапивы и пошел домой.

Утром, выйдя из дому с портфелем в руке, Чик незаметно юркнул в сад. Он осторожно вынул из зарослей крапивы свою веревку и поставил туда портфель. Он тщательно, как парашютные стропы (так казалось Чикю), кольцами свил веревку, просунул в нее голову, а потом руку. Теперь веревка висела у него на плече, как солдатская скатка.

И тут только он заметил, что за ним увязалась его собака Белочка. Она видела, как Чик сунул портфель в кусты крапивы, и сейчас бдительно следила за Чиком, ожидая приказа «Ищи!»

Чик не на шутку забеспокоился. Вдруг, когда он уйдет, Белочка вытащит его портфель из кустов крапивы и принесет домой? Скандал! Вообще-то он никогда не заставлял ее искать портфель. Но носить портфель иногда давал. Когда Чик возвращался из школы, Белочка чаще всего у калитки дожидалась его. Издали, узнав Чика по голосу, она радостно бежала ему навстречу. И тогда Чик для смеха иногда давал ей в зубы свой портфель. И Белочка, подволакивая его на ходу, несла портфель до калитки. Нет, она не нарочно подволакивала его по пыльной дороге. Просто она была небольшой собакой.

Вообще-то Белочка так и не примирилась за несколько лет с тем, что Чик тратит время на школу. Чик это точно знал. Объяснить ей, что Чик обязан ходить в школу, было никак невозможно. Но сейчас Чик забеспокоился: а вдруг она ненавидела его портфель и только скрывала до сих пор свою ненависть? А теперь, оставшись с ним один на один, вынесет его из крапивы и разорвет его вместе с книгами и тетрадами. Да если просто приволочет его во двор, тоже нехорошо. Дома догадаются, что он не был в школе.

Надо ее как следует отвлечь, чтобы она о портфеле совсем забыла. Чик подошел к груше и сбил палкой самую великолепную грушу, до которой только мог дотянуться. Груша была до того соблазнительной, что Чик сам ее разок откусил и, держа ее в вытянутой руке, сказал:

— Возьми!

Белка радостно прыгнула, но Чик приподнял руку.

— Белка, возьми!

Белка снова прыгнула, но Чик отдернул руку, и она не достала. Нет, он не мучил ее этим. Белочка сама знала, что это игра. Она весело подпрыгивала. Раз уж Чик сказал «возьми», он обязательно даст ей ухватить грушу. Белочка продолжала прыгать. В мире нет умнее и чищепопней собаки. Под грушей лежат довольно съедобные падалицы, но она их ни за что не тронет. Ей подавай свежие, прямо с ветки!

Всю расшухарив Белку, Чик, наконец, дал ей возможность цапнуть грушу и съесть. Все это он проделал для того, чтобы Белочка начисто забыла о спрятанном портфеле.

Белочка съела грушу и, приподняв морду на дерево, потрянула головой, предложив Чику еще поиграть с грушей или виноградом, лоза которого вилась вокруг груши.

— Хватит, Белка,— сказал Чик и, сделав свирепое лицо, крикнул:— Пошла домой!

Белочка вздрогнула, внимательно взглянула на Чика, мотнула головой, как бы сказав: «Не верю в твою свирепость!» — и завильяла хвостом.

Тогда Чик решил отделаться от Белки более точным приемом.

— Белочка, купаться,— сказал Чик ласковым голосом.

Белочка терпеть не могла купаться. Видимо, воспоминания о мыле, которым ее мылила тетюшка во время купания, были для нее самыми горькими и отвратительными. Она сразу поскущнела, и хвост у нее опустился.

— Купаться, купаться,— сказал Чик с фальшивой ласковостью, и Белочка, повернувшись, побежала во двор прятаться. Чик был уверен, что, если Белочке посреди пустыни Сахары сказать «купаться!», она тут же бы зарылась в какой-нибудь бархан. В таких случаях она теряла свою сообразительность и даже не заметила бы, что поблизости нет ни лохани, ни оазиса.

— Для тебя же стараюсь,— вздохнул Чик вслед убежавшей Белке и, перейдя сад, нырнул в пролом забора. Теперь Чик надеялся, что из головы Белочки выветрится память об оставленном в кустах крапивы портфеле. Чик прошел по руслу речушки, проскочил под мостом и вылез на улицу.

Он чувствовал во всем теле легкость веселящего волнения. На углу перед самой школой, где Чик собирался свернуть в сторону моря, он догнал Бочо.

— Чик, что это у тебя за красная веревка?— удивился Бочо.

Чик решил, что теперь уже можно все рассказать. Тайна не успеет дойти до ушей собаколова. Он ему все выложил, и Бочо загорелся помогать.

— Я буду искать отсюда до моря,— сказал Чик,— а ты ищи отсюда до Ботанического сада. Встретимся здесь.

— А это куда?— Бочо мотнул в руке портфель.

— Портфель тебе не мешает,— объяснил ему Чик.— Дверь открывать буду я. Ты ищи собаколова и спрашивай у пацанов, кто его видел.

— Ох, Чик,— покачал головой Бочо,— излущует же он тебя кнутом, если догонит.

— Знаю,— сказал Чик,— но сперва пусть догонит.

Чик пошел в сторону моря. Встречные иногда удивленно поглядывали на моток красной веревки на груди Чика и даже выказывали желание остановиться и поговорить по этому поводу, но Чик сурово проходил мимо. Каждый раз, проходя мимо ограды из штакетника, Чик думал: здесь можно было бы. Иногда попадались штакетники с такими милыми, крепенькими планками, что просто хотелось их расцеловать. Дойдя до угла квартала, Чик внимательно смотрел в обе стороны, пытаясь вдалеке различить знакомую колымагу. Но пока ее нигде не было видно.

— Чик, это водолазная веревка? — крикнул ему знакомый пацан и подбежал к нему.— Откуда она у тебя?

— От водолаза,— сказал Чик.— Собаколова не видел?

— Нет,— ответил пацан,— а зачем он тебе?

— Так, дело есть,— сказал Чик и пошел.

Чик встретил еще нескольких знакомых пацанов, и все они удивлялись его веревке, но собаколова никто не видел. Внимательно оглядывая на перекрестках поперечные улицы, Чик дошел до самого приморского пустыря, где бывали бродячие собаки и куда собаколов часто заглядывал. Но сейчас здесь никого не было.

Чик вышел на параллельную улицу и пошел назад, оглядывая на перекрестках поперечные улицы и мимоходом любуясь попадающимися на пути штакетниками. Он дошел до своей улицы, прошел мимо школы и остановился на перекрестке, где они условились встретиться с Бочо.

Бочо еще не подошел, и Чик стал ждать. Прозвучал звонок на перемену, и Чик повернулся спиной к школе, чтобы его никто издалека не узнал. Потом раздался звонок на урок. Было слышно, как ребята с веселым шумом устремились в классы. Потом все затихло. Бочо все не было.

И вдруг он появился вдалеке. Он бежал по улице Чика, то и дело взмахивая портфелем. Чик понял, что Бочо бежит с какой-то новостью.

— Чик,— задыхаясь, крикнул Бочо, подбегая,— он едет по вашей улице! Он сейчас возле спортплощадки остановился. Там собака! С ним рядом сидит второй человек!

Чик раздумывал несколько секунд. Надо его встретить на том углу квартала. Там начинается длинный штакетник забора грузинской школы. Это даст возможность маневрировать.

— За мной! — крикнул Чик, и они побежали. Когда они добежали до угла, из-за поворота улицы, покачиваясь на неровностях немощеной дороги, показалась колымага. Собаколов постегивал кнутом свою клячку, жадно озирая улицу в поисках зазевавшейся собаки. Рядом с ним

сидел какой-то рыжий человек. Наверно, он учился ловить собак. Между ними на длинном древке вяло колыхался сачок, как грязное знамя грязного дела.

Чик отвернулся к забору, чтобы не вызывать никаких подозрений. Колымага, поскрипывая, приближалась. Медленно, медленно приближалась! Вот она поравнялась с ним, Чик это почувствовал и быстро обернулся.

Дав ей проехать чуть дальше себя, Чик скинул с плеча моток веревки, продел его в левую руку, правой ухватился за конец с крюком и ринулся за колымагой.

Он быстро догнал ее, зацепил крюк за дужку замка и побежал к штaketнику, не давая ослабнуть разматывающейся веревке. Закинул петлю за две планки штaketника, сдернул ее пониже и обернулся.

Через секунду веревка натянулась, и Чик, холодея от ужаса, увидел, что замок не оторвался, а колымага просто остановилась. Все пропало!

Но нет! Собаколов ничего не понял и пару раз сильно стеганул свою клячу. Она рванулась, одно из колец соскочило, и дверь с треском распахнулась. Но собаки почему-то не выскакивали. А собаколов и сейчас ничего не понял! Он встал с места и, громко ругаясь, стал изо всех сил нахлестывать свою клячу. Она опять рванулась, крюк на конце веревки все еще торчал в дужке замка, веревка снова натянулась, дверь с ужасающим скрежетом вырвало из петель, и она с грохотом повалилась на улицу.

О, вырванный с корнем гнилой зуб злодейства! Собаки радостным потоком стали выпрыгивать из колымаги: белые, черные, желтые, пятнистые, серые!

— Чик, атанда! — откуда-то издали раздался голос Бочо, и Чик очнулся.

Собаколов уже спрыгнул с передка и бежал к дверце колымаги. И тут Чика захлестнул страх. До этого страха не было, а тут захлестнул. Чик рванулся и побежал навстречу собаколову, но в сторону дома. Краем глаза он успел заметить, что Бочо перекинул портфель во двор грузинской школы и сам перемахнул через забор. Он успел удивиться, что Бочо принял более умное решение, но менять свое было уже поздно. Увидев бегущего Чика, собаколов ринулся к тротуару.

Чик прорвался мимо свистнувшего у его ног кнута и побежал дальше. Собаколов за ним. Чик обогнал несколько освобожденных им собак, и вдруг одна из них с лаем бросилась за ним и вцепилась в штаны. Прокусить штаны она не смогла, но пока Чик отцеплялся от нее, собаколов догнал его своим кнутом. Струей кипятка кнут плеснул по ногам. Чик подпрыгнул от боли и сразу же оторвался от собаки и собаколова. Тот продолжал бежать за ним, но Чик чувствовал, что теперь он уже его не достанет, именно потому что успел ошпарить кнутом. «Оказывается, человек, как и лошадь, может от удара кнута увеличивать скорость», — подумал Чик на бегу. До кнута ему казалось, что он бежит на предельной скорости. но после кнута он явно поднажал.

— Молодец, Чик, молодец! — доносились голоса уличных соседей.

Чик вбежал во двор, пробежал его, ворвался в сад и вскарабкался на спасительную грушу. По бешеному лаю Белки Чик догадался, что собаколов уже во дворе.

Чик докарабкался до макушки груши и стал следить за двором. Отсюда весь двор был как на ладони. Собаколов, отбиваясь кнутом от Белки, атакующей его со всех сторон, прошел до самой лестницы, ведущей на второй этаж, где жила тетушка.

— Где этот мальчик?! Где этот хулиган?! — орал он, поглядывая на соседей и стараясь угадать, кто прячет Чика. Он не знал, что Чик пробежал в сад.

Тетушка появилась на верхней лестничной площадке и, стоя над горшками цветущей герани, смотрела вниз, пытаясь понять, что происходит.

— Оставь собаку, — кричала она. — Что тебе надо?

— Где этот хулиган? — кричал собаколов. — Я его сдам в милицию!

Тут во двор вошло несколько соседей по улице, и один из них крикнул тетушке:

— Чик открыл дверь его ящика! Все собаки сбежали!

— Я его в колонию отправлю, — кричал собаколов. — У меня свидетели!

Тут двор поднял возмущенный гвалт.

— В колонию?! — вскрикнула тетушка. — Да я тебе сейчас за это глаза выцарапаю, живодер несчастный!

Она огляделась как бы в поисках предмета, при помощи которого можно было бы выцарапать глаза собаколову, и увидела, что за ее спиной стоят дядя Коля и бабушка. Они вышли из дому, привлеченные шумом. Тетушка решила не искать больше предмет, при помощи которого можно было выцарапать глаза собаколову, а заменить его сумасшедшим дядюшкой Чика.

— Коля, гони его со двора, — крикнула тетушка и, поясняя свою мысль на понятном ему языке, добавила: — Он плохой! Плохой!

— Плохой?! — переспросил дядя Коля и свесился с перил, стараясь разглядеть, насколько плох собаколов.

— Плохой! — крикнула тетушка. — Гони его отсюда!

— Сумасшедший? — переспросил дядюшка. — Кричит?!

Вообще-то он не любил связываться с чужими и сейчас пытался сам себя разгорячить.

— Да, сумасшедший! Да, кричит! — крикнула тетушка и показала на себя. — На меня кричит!

Дядюшка сделал решительное движение, чтобы побежать вниз, но бабушка властно придержала его за рубашку и даже дала ему легкий подзатыльник, чтобы он в мирские дела не вмешивался. Она не любила, когда ее сына пытались так использовать.

— Он мне план поломал! — кричал собаколов, то отмахиваясь кнутом от Белочки, то грозя этим кнутом тетушке. — Ты его от меня не спрячьешь! Я его в колонии сгною!

Вдруг тетушка быстро нагнулась, схватила самый большой горшок с геранью и с криком «Вот тебе колония!» швырнула его в собаколова.

Такого он явно не ожидал. Горшок с цветущей геранью, пропламенев в воздухе, полетел вниз. Собаколов успел отпрыгнуть, и горшок, глухо выстрелив, разбился у его ног. Черепки разлетелись, а герань с большим комом земли вокруг корней каким-то чудом стала торчком, продолжая цвести как ни в чем не бывало. Чик подумал, что она вполне приживется, если ее пересадить в другой горшок.

Белочка продолжала захлебываться лаем. Собаколов и тетушка переругивались. Жители соседнего двухэтажного дома на шум выглядывали из окон, но не могли понять, что происходит внизу. Флигель, в котором жила Ника, скрывал от них собаколова.

Наконец одна из соседок поймала глазами Соньку, стоящую в углу двора, и крикнула:

— Сонька, что там случилось?

— Чик освободил собак, — радостно крикнула Сонька, — собачник его ищет!

Но тут Сонькина мама выскочила из своей кухоньки и, подбежав к Соньке, стала загонять ее домой, крича:

— Мы ничего не знаем! Мы ничего не видели!

Она всегда всего боялась и сейчас не знала, чем все это кончится.

— Чик освободил собак! — еще раз бесстрашно крикнула Сонька, пока мать тащила ее в дом.

Тут во двор вошел помощник собаколова с веревкой в руках. Богатый Портной, до этого безучастно наблюдавший за происходящим, вдруг ожил. Он подошел к этому человеку, взял у него из рук веревку и стал с любопытством приглядываться к ней. Потом он стал ее мерить, разворачивая руки, как продавцы тканей. Веревка была явно длинней, чем он предполагал, и Богатый Портной, пощупав крюк, вернул ее помощнику собаколова.

— Такой крюк пароход может остановить! — сказал Богатый Портной, возвращая веревку. Он нарочно сделал вид, что его больше всего поразил этот крюк, чтобы никто не подумал, что он интересовался самой веревкой.

— Я это сейчас в милицию отвезу! — крикнул собаколов, кивнув на веревку. — В колонию пойдет твой сын, в колонию!

Тетушка схватила самый маленький горшочек с геранью и швырнула в собаколова. Из этого Чик понял, что она начала успокаиваться. Этот горшочек вдребезги разбился у ног собаколова, а герань сломалась.

Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы в это время во двор не вошел дядя Риза, любимый дядя Чика. Все женщины двора при виде его, как всегда, замолкли и стали прихорашиваться. Маленький, краси-

вый, всегда хорошо одетый, он подошел к собаколову и стал тихо с ним говорить.

— Не слушай его, — крикнула сверху тетушка, — он живодер!

Дядя еще некоторое время поговорил с собаколовом, а потом вынул из пиджака бумажник, достал оттуда красненькую тридцатку и дал ему. Тот, взяв деньги, как-то легко успокоился и пошел со двора вместе с товарищем, который все еще держал в руке моток веревки.

Белочка с лаем сопровождала их до калитки, и собаколов несколько раз нехорошо на нее посмотрел. Но теперь он не взмахивал кнутом, а волочил его по земле.

Чик подумал, что собак в колымаге было штук пятнадцать. Собаколов получил тридцатку. Значит, они оценивают живую собаку в два рубля! А веревка? Интересно, за сколько рублей он ее загонит?

Уличные соседи, переговариваясь, стали выходить со двора. Некоторые из них явно ожидали большего. Дядя им подпортил зрелище. Сейчас он приподнял герань за стебель, легким движением стряхнул ком земли с корней и поднялся наверх.

— А где Чик? — спросил он у тетушки.

Тетушка растерянно огляделась и развела руками, увлеченная борьбой за Чика, она о самом Чике подзабыла.

— Я здесь, дя! — крикнул Чик с груши.

Дядя обернулся, поймал Чика любящими, насмешливыми глазами и поманил пальцем. После этого он отдал герань тетушке и вошел в дом. Пока Чик спускался с дерева, сумасшедший дядюшка Чика уже пришел в сад и наполнял свежей землей новый горшок для герани, чудом уцелевшей после падения со второго этажа.

Чик поднялся наверх и прошел в залу, где дядя, раздетый и укрытый простыней, лежал на своей кровати. После работы он любил умыться и часок отдохнуть. Его мокрые редееющие волосы блестели и были зачесаны на косой пробор. Голые, мускулистые руки были высунуты из-под простыни и держали книгу.

— Поди-ка сюда, — сказал он Чик, показывая на постель и откладывая книгу, на которой Чик успел прочитать: «Ги де Мопассан». Чик присел на постель.

— Рассказывай, — кивнул дядя, сияя на Чика улыбкой, — о подвигах, о доблести, о славе.

И Чик рассказал ему все. Как он давно ненавидел собаколова, как он своими глазами видел доверчивую собаку, пойманную в его подлый сачок, как он придумал распахнуть его дверь и выпустить всех собак.

— Ты молодец, Чик, — сказал дядя, любуясь Чиком, — но и собачника надо понять. У него ужасная работа, но это работа. И ты прав, и он по-своему прав.

— Как так? — удивился Чик.

— Ну, Чик, — сказал дядя, глядя на него своими блестящими глазами, — это как змея и человек. В природе змеи кусаться. В природе чело-

века убивать змею. Так они вместе живут тысячелетия и будут жить. Такова природа, Чик: змее кусать человека, а человеку убивать змею.

— А уж? — сказал Чик, подумав.

Дядя вдруг расхохотался, схватил его голыми руками и, прижав к себе, поцеловал в лоб. Чик не видел ничего смешного в том, что он спросил, но ему приятно было, что дядя хохочет.

— А в природе ужа, — сказал дядя сквозь хохот, — страдать за сходство со змеей!

Чик решил, что они слишком далеко отошли от дела.

— Дя, — сказал Чик, — он ловит не только бродячих собак. Он ловит любых собак, которые оказались на улице.

— Конечно, конечно, — сказал дядя, — здесь возможны ошибки.

— Не ошибки, — поправил его Чик, — а вредительство. Хозяин собаки все время думает на работе: а вдруг моя собака выбежала на улицу и ее поймал собаколов? И от этого он на работе волнуется и совершает грубые ошибки.

— Чик, — сказал дядя, и глаза его строго подтвердели, — я тебе уже объяснял, что все это ерунда. Ты ведь не раз убеждался в этом. Нет никаких вредителей! Есть разгильдяи, трусы, подлецы... И наконец просто дураки!

— Кто же тогда арестовал отца Ники? — спросил Чик и уже сам строго посмотрел на дядю. — Он ведь был твой друг?

Последние слова Чик произнес с невольным упреком. Если дядя не признает, что есть вредители, значит, он признает, что отца Ники правильно арестовали. Но ведь это не так!

— Чик, — сказал дядя, и вдруг в его всегда ясных, умных глазах появилось выражение тоски, — отец Ники был моим другом, и я никогда от него не отрекался. Запомни — никогда! Он был честным человеком! Как бы тебе объяснить? Ты этого сейчас не поймешь...

— Нет, пойму, — твердо перебил его Чик и твердо посмотрел ему в глаза.

— Бывают времена, когда... когда многие люди... живут, как пьяные, — сказал дядя медленно и с трудом подбирая слова, — а ты знаешь, что пьяные бывают безумными и жестокими?

— Да, конечно, — сказал Чик и мгновенно припомнил то, чего, в сущности, никогда не забывал.

Несколько лет назад Чик шел с пацанами на море. Вдруг они увидели перед собой на тротуаре двух пьяных. Один был большой и здоровый, а второй был среднего роста. Тот, что был поменьше, что-то сказал большому. Здоровый обхватил его руками, поднял над землей и бросил. Тот упал и долго не мог встать. Но потом встал, и они пошли дальше. Видно, он опять сказал здоровому что-то неприятное, и здоровый опять приподнял его на руках и бросил на землю. И второй опять растянулся на тротуаре. Он долго не мог встать, а большой, самодовольно ухмыляясь, помог ему встать, и они, пошатываясь, пошли дальше. И видно, тот,

что был поменьше, опять что-то неприятное сказал большому, и тот опять его приподнял над землей и бросил, как деревянную куклу.

На этот раз ребята были совсем близко, и Чик услышал, как пьяный, падая, стукнулся затылком о каменный бордюр тротуара. И этот звук, этот стук перевернул всю его душу!

Упавший теперь лежал неподвижно, а здоровый, сопя, пытался его приподнять, а у того обвисли руки и глаза были закрыты. А этот все сопел над ним, ничего не понимая и пытаясь его поставить на тряпичные теперь ноги. И это было ужасно, что он никак не поймет того, что случилось с его товарищем.

Потом собралась толпа. Большого забрала милиция, а за маленьким приехала «Скорая помощь». Говорили, что он не умер, что он только потерял сознание, но Чик на всю жизнь запомнил этот случай.

И Чик, всегда содрогаясь, вспоминал этот беспомощный стук головы о бордюр тротуара, тот жестокий, нечеловеческий звук равнодушия к человеческой жизни.

— А отчего они, как пьяные? — спросил Чик. Он внимательно смотрел дяде в глаза.

Дядя промолчал мгновение и вдруг тихо, словно не Чик, а самому себе, с горечью выдавил сквозь зубы:

— От того, что он их сделал такими...

Дядя замолк, но Чик знал, кого он имел в виду. В Чегеме открыто называли этого человека, а в городе почему-то страшились. Вот что удивительно!

— Ты вырастешь, Чик, и все поймешь. — И вдруг добавил, как-то странно взглянув Чик, в глаза: — И если даже с твоим дядей что-нибудь случится, ты всегда верь, что он был честным человеком...

— Нет, — выдавил Чик, чувствуя, что внутри у него все сжалось. Он обхватил руками его шею. — Нет! Нет! Нет!

— Я тоже так думаю, — сказал дядя, целуя Чика, — кажется, худшее позади... И не надо об этом... Нарви-ка нам лучше винограда к обеду...

Чик стало легче. Внутри отпустило. Он ужасно любил, когда дядя ему говорил: нарви груш, инжира, винограда. Чик в такие минуты чувствовал себя фруктовым кормильцем семьи.

— Дя, — вдруг вспомнил Чик, — собаколов не отомстит Белочке за то, что я выпустил собак?

Дядя рассмеялся, вскочил с постели и стал быстро одеваться. Он все делал легко, быстро.

— Я думаю, — сказал он, — этот человек больше никогда по нашей улице не проедет. Ты его хорошо проучил.

Когда Чик с корзиной спустился во двор, Сонька выскочила с его портфелем в руке.

— Чик, — сказала она, — ты забыл под грушей свой портфель. Белочка начала грызть, но я у нее отняла его.

Чик за всеми делами этого дня совсем забыл о своем портфеле. Значит, Белочка все-таки о нем не забыла! Ай да Белка!

Чик взял портфель и вошел в сад. Он повесил его на сучок и взобрался на грушу. Когда он влез на вершину, стал рвать спелые гроздья «изабеллы», на лестничной площадке появилась тетушка с ведром и кружкой. Она стала поливать цветы. Самая большая герань была уже водворена в новый горшок. Чик заметил, что тетушка ее особенно усердно поливает, как пострадавшую в схватке с собаколовом. Поливая цветущие красным цветом герани, тетушка громко напевала одну из своих любимых песен:

Белые, бледные, вечно душистые
Эти цветы расц-вели-и-и...

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Чик и Пушкин	3
Подвиг Чика	30

Фазиль ИСКАНДЕР

ПОДВИГ ЧИКА

Редактор А. В. Караулов

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 12.02.87. Подписано к печати 24.04.87. А 00368. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Учет-
но-изд. л. 3,27. Усл. кр.-отг. 2,28. Тираж 80000 экз. Изд. № 1230. Зак. № 187.
Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

МОЛОДЕЖНО-ПРЕМИАЛЬНЫЕ ВКЛАДЫ

● Такие вклады принимаются от граждан в возрасте от 18 до 30 лет включительно.

● При открытии счета вкладчик молодежно-премиального вклада определяет размер ежемесячного взноса—10, 20, 30, 40 или 50 рублей. Первоначальный взнос на одну из указанных сумм принимается наличными деньгами только от самого вкладчика по предъявлении им паспорта.

● Накопление вклада производится в течение трех лет путем регулярных ежемесячных взносов. Такие взносы могут перечисляться по заявлению вкладчика бухгалтерией по месту его работы или учебы. Дополнительные взносы по вкладу принимаются сберегательной кассой и наличными деньгами.

● По молодежно-премиальным вкладам вкладчики получают доход из расчета 3,5% годовых, из которых 2% ежегодно присоединяются к остатку вклада, а 1,5% выплачиваются в виде премии по истечении срока накопления сбережений.

Юноши и девушки, пользуйтесь услугами сберегательных касс!

Правление Гострудсберкасс СССР